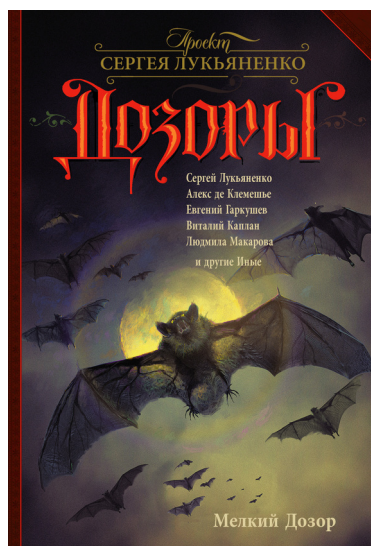

Дозоры

Сергей Лукьяненко
Мелкий Дозор (сборник)

«АСТ»

2015

Лукьяненко С. В.

Мелкий Дозор (сборник) / С. В. Лукьяненко — «АСТ»,
2015 — (Дозоры)

ISBN 978-5-457-76672-3

Противостояние Света и Тьмы на перекрестках пространства и времени продолжается. Дозоры несут свою вахту на широких петербургских проспектах в царской России и в тюремной зоне советских времен, в монгольских степях в годы юности Чингисхана и на узких улочках Вены наших дней... Мы всегда и везде под присмотром Дозоров! Помимо рассказов Сергея Лукьяненко, в сборник вошли рассказы победителей мастер-классов на конференциях Роскон 2013 и 2014 и конкурса, приуроченного к выходу романа Сергея Лукьяненко «Шестой Дозор».

ISBN 978-5-457-76672-3

© Лукьяненко С. В., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Алёна Анисимова. От крови до клятвы, от клятвы — до крови	6
Александр Сальников. Ученик царева арихметчика	25
Николай Желунов. Неофициальное разсл#дование	36
Алекс де Клемешье. Санаторно-курортная монография	48
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мелкий Дозор (сборник)

© С. Лукьяненко, 2013

© Составление. А. Сеницын, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Алёна Анисимова. От крови до клятвы, от клятвы – до крови

*Не обижай слабого детеныша – он может оказаться сыном
тигра.*

Хан Темуджин (Чингисхан)

1

Татарского пленника вели в поводу, как непослушную кобылу. Недоуздок рвал ему губы, заставляя с ожесточением вгрызаться в крепкую колючую веревку. Колодка на шее клонила к земле. Мужчина то и дело спотыкался, обдирая босые ступни о каменистую почву.

Есугай, в свои двадцать пять лет уже получивший в народе славу героя-баатура, молча ждал, пока знатного пленника бросят к его ногам. По примеру своего предводителя молчали и остальные воины. Только белели костяшки крепких ладоней, сжимая рукояти кнутов и ножей.

– Смерть выродку! – все же не выдержал кто-то, и орда тут же подхватила этот клич, донося до самого небесного отца монгольскую родовую ярость.

Из толпы потянулись хваткие пальцы, сдирая с мужчины богатый халат, расшитый шелком по шелку. Еще десяток шагов – и пленник остался бы позорно нагим, но Есугай неспешно поднял руку, и волнующаяся толпа замерла, не договорив обидных речей, не тронув больше ни единого лоскута китайской работы. Никто не смел мешать Есугаю-баатуру изречь приговор. Из стоявшей поодаль маленькой юрты донесся еле слышный женский стон, и по лицу потомка великого хана Амбагая пробежала тень.

– Пленник! Твое имя будет стерто в веках, твои дела порастут ковылем, и их скроет конский навоз! Но сейчас тебе дозволено говорить, как подобает воину, что не страшится звона мечей. Назови себя перед лицом Отца Небо и перед этими честными людьми! – Есугай обвел рукой своих соплеменников.

Один из монголов, приведших пленного, вытащил у него изо рта мокрую веревку и брезгливо отбросил прочь. Остальные навалились ему на плечи, заставляя упасть на колени.

– Я зовусь Темуджин-уге, вождь татарского племени! – выпалил мужчина, сверкая глазами на своих понукателей. – Мои юрты подпирают небо над долиной Уршиун! Мои жеребцы топчут землю от озера Колен до озера Буир! Племя отомстит за меня!

Есугай опять нахмурился: то ли словам татарского вождя, то ли услышав сквозь ропот толпы очередной женский стон. Показалось, или он был громче предыдущего?

Никто не слышал этого. Монголы трясли кулаками, суля Темуджин-уге самые страшные кары. Есугаю снова пришлось призвать к тишине.

– Ты, – баатур ткнул пальцем в пленного, и тот вздрогнул, – ты потомок предателей и внук предателей, поправших узы дружбы. За звонкую монету продавших моего великого предка Амбагая коварным чжуржэням. Я убил твоих воинов, забрал жеребцов и разграбил юрты.

Есугай прервался на миг: теперь это был не стон, а крик, слышный всем, собравшимся на казнь побежденного татарского вождя.

– Нет больше твоего рода, Темуджин-уге, – помолчав, бесстрастно продолжил предводитель монголов, – за тебя некому мстить. Твои женщины будут служить моим людям, согревать ложе моим воинам и подавать сочное мясо к трапезе. Нет больше *тебя*, Темуджин-уге.

– Злобный змей, ты заплатишь за мою смерть кровью сыновей! – выкрикнул побледневший пленник и тут же согнулся от удара в живот.

Еще один женский крик разнесся над толпой, заставив многих недоуменно озиаться. Есугай дернул плечом, будто хотел уйти, но сдержался. Неподалеку хлопнула дверь юрты.

– Я забрал у тебя стада, юрты и женщин, как перед смертью пожелал мой храбрый предок – хан Амбагай, – внезапно горячо выпалил предводитель монголов, – но это не все, что можно отнять у врага. Я заберу даже твое имя! Отправляйся в страну теней, безымянный воин степи!

Сабля почти неслышно покинула ножны Есугая и ярким росчерком приземлилась на шею пленника. Обезглавленное тело задергалось, орошая монгольские сапоги кровью. Воины в едином порыве вскинули оружие, но их боевой клич вдруг перебил радостный женский возглас:

– Сын!!! Оэлун родила сына!

* * *

Где-то на грани сознания почудился звонкий щелчок. Это сдвинулась история, застоявшаяся было на одном месте. Незримое колесо завертелось в нужном направлении, пожирая выбранную колею.

Я развернулся и пошел прочь. Кого сейчас видели храбрые монголы? Может, оборванца, который прибил к племени на случайном перепутье? Может, юродивого, пропахшего бараньей шерстью, которого кормили сердобольные старухи? А может, всего лишь легкую тень, скользящую в направлении заката? Я был для них невидим – заклинание отводило глаза. Впрочем, все внимание монголов сейчас было обращено на маленькое тельце, которое целиком помещалось в ладонях Есугая-баатура.

Сумеречным зрением я увидел вокруг ребенка разноцветные всполохи, радужные переливы: аура была неровной, дрожащей, а это значило...

– Я отнял имя у татарского вождя, которого победил в честной битве. Отныне это имя будет носить мой сын!

– Темуджин! – хором разнеслось по степи из сотни глоток.

– Иной, – вполголоса добавил я, уходя в Сумрак.

* * *

Над дрожащей линией горизонта появилось темное пятно. Здесь путник обычно достает потрепанные карты и недоверчиво перебирает их сухими, заскорузлыми пальцами; вглядывается в горизонт, отыскивая приметы человеческого присутствия.

Мне это не требовалось. Я знал, что впереди Самарканд: древний город, прославленный в песнях и легендах. Его стены хранили историю нескольких войн, в которых почти всегда были замешаны Иные.

– Эй! – Жеребец вдруг потащил меня в сторону от дороги, заставив покрепче прихватить повод. На возмущение скотина не реагировала, продолжая трусить в сторону сочных зеленых кустов. Конь устал: я взял его у бедняков, живущих в восьмидесяти ли отсюда. За целый день я не дал ему ни минуты отдыха, уводя от знакомой кормушки все дальше.

Можно было вразумить его заклинанием, но десяток порталов через колючий степной Сумрак заставляли обходиться человеческими способами передвижения. Я потратил уйму

Силы, открывая прямой путь из лагеря монголов в Хорезм, и это оказалось ошибкой. Портал раскрылся в чистой степи, где не было ни следа людского присутствия. Пришлось идти пешком полдня, прежде чем впереди показалось небольшое кочевье. Дальше я осторожничал, шагая через Сумрак на небольшие расстояния и проезжая по сотне-другой ли в день верхом.

Порыв ветра растрепал коню гриву, и он, почуяв жилье, зашагал бодрее. Скоро с животного снимут мокрые потники, расстегнут крепко затянутую подпругу и дадут сена. Жаль, мои силы не удастся восстановить так же просто.

На Совет я шел уставшим и злым. Еще у ворот мне выдали метку – небольшой амулет в виде когтя, который было видно только в Сумраке. Резная кость заставляла кожу чесаться – то ли от Темной магии, то ли от недельного блуждания по степям.

Вход обнаружился не сразу: потребовалось пройти всю улицу, прежде чем я догадался оглядеться сквозь Сумрак. Дверь была втиснута между двумя замурованными арками, на первом слое висел массивный замок. Я вздохнул и шагнул на второй. Здесь вместо крепких досок оказался простой пролом в стене, затянутый черным маревом. Да, многовато в Самарканде Темной магии: сначала амулет, теперь заклинание в проеме... Отголоски прошлых лет?

Черный туман прянул в стороны.

– Приветствуем тебя, многоуважаемый Джалим-хоса! – Слуга, стоявший на входе, оказался вампиром. Сейчас порождение Тьмы растянуло губы в широкой улыбке, демонстрируя внушительный набор клыков – на верхней челюсти их было аж четыре штуки вместо привычных двух. Я с трудом сдержался от желания избавить его от лишней пары и просто кивнул. Не дело Светлому Иному первого ранга устраивать драку с каким-то мелким кровососом.

Моему взору открылся просторный круглый зал, купол которого исчезал в дыме из многочисленных курильниц. По периметру стояли низкие столы, рядом с которыми вольготно расположились гости из самых разных краев. Нескольких я узнал и почувствовал, как заныли шрамы на шее. Темных и здесь было больше.

– Джалим-хоса! Вкуси хорезмского вина, отдохни на подушках из китайского шелка! – засуетился вокруг все тот же слуга. Он провел меня вдоль стены к богато накрытому дастархану.

– Начало положено, – изрек мужской голос, и в центре зала поднялся высокий мужчина. Его я помнил, Фазуллах был самым сильным Светлым в Хорезме. – Произнесем же слова великого Договора, взвесившего борьбу Тьмы и Света и нашедшего ее неуместной.

Перед каждым из сидящих всплыли горящие строки. На каком языке Договор был написан изначально, никто не знал. Может, это была латынь, а может, иврит – но каждому из присутствовавших слова были понятны.

Мы – Иные.

Мы служим разным силам...

Я терпеливо ждал окончания действия. Даже глаза закрыл, хотя пылающие строки все равно манили, заставляя вдуматься, осознать, прекратить извечную войну... Договор рассудил прения между многими городами и даже царствами. Раньше я бы трижды подумал, прежде чем сунуться в насквозь пропитанный Темной магией Самарканд, а теперь сижу рядом с теми, кто желал моей смерти, вкушаю сладкий урюк и даже не ставлю защитных заклинаний. Но на моей родине нет Договоров, есть только клятвы, равные для людей и Иных. В степи негде существовать Дозорам – попробуй поймать дикого Темного, загубившего целое кочевье, если его следы давно остыли и поросли быльем! Да и когда еще найдут это место...

Даже синий мох – постоянный житель городского Сумрака – не цепляется к кочевникам. Может, оттого степные люди славятся своим открытым и спокойным характером?

Договор отзвучал.

– Вы явились на Великий Совет по приглашению Ночного Дозора Самарканда, – буднично сказал Фазуллах. На него обратилось несколько десятков глаз. Светлые и Темные, почти все – первого ранга и выше. Даже слуга-вампир куда-то вышел, видимо, не его ушей дело.

– С тех пор как был заключен Договор между Светом и Тьмой, этот город посетило процветание. – Некоторые из гостей на этих словах поморщились, видимо, «процветание» создало им ряд неудобств. Фазуллах сделал вид, что не заметил недовольства. – Равновесие установилось между нашими Силами. Чтобы сохранить его и преумножить, Договор должны принять все.

Многие недоуменно переглянулись. Робкий женский голос нарушил возникшую вдруг тишину:

– Договор принят. Скреплен печатями Силы. Кто посмеет его нарушить?

– Уважаемая Сели-ханым, речь не о нарушении. Речь о...

Я поразился. Женщина, еще и Темная! В Хорезме! Интересно, чьей наложницей она стала и скольких рабынь, согревших ложе ее избраннику, успела погубить? Ведьма куталась в многослойные одежды, которые оставляли открытым лишь цепкий холодный взгляд. Половина слоев отнюдь не из ткани: слишком уж хищно они колыхались от малейшего движения хозяйки.

– ...и все царства из сильных ныне приняли Договор. Но есть многие, кто отказался или не внял. Может случиться война, где Светлые и Темные встанут на одной стороне...

Пока я разглядывал Сели-ханым, Фазуллах с поистине Светлым терпением пересказывал суть заключенного соглашения. Будто не твердили его только что хором. Женщина, кажется, слушала только из вежливости. Засмотревшись на ладную фигурку (вот умеют хорезмские красавицы укутать себя до самых бровей, но стать еще соблазнительней!), я пропустил почти все мимо ушей и опомнился, только когда по залу пронесся единый вздох.

– Снова! – с болью в голосе произнес кто-то.

– Да, Джору... Это не будет битва Света и Тьмы. Будем сражаться со своими же. – Фазуллах в скорби склонил голову.

– Почтенный Фазуллах умеет говорить мудро, – прошелестел знакомый голос, – и у нас уже трясутся поджилки. Но с чего бы Тьме идти против Тьмы, даже если Договор принят только на одной стороне?

Ах, паршивец... Его я почувствовал еще на входе. Оборотни редко доходят до первого ранга, а вот поди ж ты, Алар, которого я почти развоплотил шесть лет назад, добрал нужное число жертв! И теперь по праву сильного занимает место на Совете. В груди закипела ярость.

– Так будет, если мы не убедим всех Иных от Хорезма до Японии создать Дозоры. – Фазуллах будто не заметил ехидного тона.

– Пока что никакого проку нет от наших Договоро... ренностей. – Оборотень в последний момент исправился и довольно пронаблюдал, как меняется лицо Светлого. – Мои Темные братья склонили головы под страхом смерти. Вы теперь диктуете, сколько людей положено убивать, запрещаете нам охоту ночью. Право, жизнь без Дозоров была честнее: я опасался только Светлых, не ожидая, что меня загрызут свои же за лишний кусок человеческого мяса.

– Львоподобный Алар отвергает Договор? – Фазуллах оставался бесстрастен, хотя по всему залу гости начали вскакивать с мест. В неровном свете лампадок вспыхнуло несколько искр – предвестников магической потасовки.

– Ведь для того вы и собрали Совет, верно? – ехидно продолжил оборотень, и его лицо поплыло, обретая звериные черты. – Проверить, как соблюдается буква Договора! Дневному Дозору Бухары он не пришелся по нраву. Все мои подданные ждут одного только слова...

Воздух вдруг стал ватным. Алар осекся, с ненавистью глядя на Светлого, но его ярость быстро сменилась страхом: вокруг, выпучив глаза, хватались за грудь все гости Совета. Недавние искры погасли: вместе с воздухом в зале будто исчез Сумрак, лишив всех возможности защищаться и нападать.

На краткие секунды я ощутил себя дряхлым старцем: ослепнув и оглохнув, схватился за сердце... и все прекратилось. Собравшиеся в зале изумленно переглядывались, недоверчиво ощупывая себя и разминая пальцы. Видимо, «быстрые» заклинания, подвешенные на мгновенное использование, вернулись к своим владельцам.

– «Вето»! Зачем?! – воскликнул кто-то.

Заклинание, дающее право говорить и действовать только тому Иному, который его применил. Изобретенное самим Фазуллахом для неведомых целей. У «вето» было побочное действие – применивший его не мог дальше что-то утаивать и скрывать от присутствующих. Требовалось произнести некую истину, зачастую неприятную, – о самом Ином, либо огласить секрет, который утаивался. Либо предсказание.

– По-другому... не прекратить эту войну. Теперь мне нужно сказать правду... – Лицо Светлого исказилось, а голос стал хриплым: – *В год, чье число – десять, родится дитя из крови. Взрастится на кобыльем молоке... Пойдет Свет на Свет, Тьма на Тьму! Без Клятвы Иной все пропало, исказилось! Нет больше мира, нет войны...*

Фазуллаха шатнуло. «Вето» выпило почти всю Силу, и Светлый остался перед нами беззащитней ребенка. Все молчали, ожидая, когда он продолжит речь, но в зале вдруг противно захихикали.

– Так вот чего боишься ты, главный Светлый всея Хорезма! Убить невинное дитя! – Алар держался за живот, будто и в самом деле мог лопнуть от смеха. И хорошо бы! – Вот зачем тебе Договор для всех Иных! *«Без Клятвы все пропало»!*

– Замолчи! – Голос ведьмы Сели-ханым. Неожиданно. Когда это Темные шли против своих? Женщина на миг опустила глаза и, когда подняла их, смотрела только на Фазуллаха. – Скажи, Светлый... Ведь и вправду куда проще найти младенца и пресечь войну малой кровью, чем заставить всех Светлых и Темных мира принять Договор.

Фазуллах молчал и переводил взгляд с одного лица на другое. Он видел то, чего не хотел бы видеть никогда: даже на лицах Светлых была мрачная решимость уничтожить ребенка ради спокойствия всех Иных. У некоторых – самоубийственная готовность даже развоплотиться ради великой цели. Показалось, или в его глазах мелькнули слезы?

– Джалим-хоса, – голос главы Совета был полон горечи.

– Да, Светлый владыка, – у меня запершило в горле.

– Год, о котором говорится, начался три луны назад. Ты многое видел в диких степях. Был ли среди них подходящий ребенок?

– Мне... мне неизвестно... – Я на миг запнулся, подумав о «сфере отрицания». Надо было скрыть мысли, спрятать глубоко свою догадку... Не успел. Фазуллах «прочел» меня раньше.

Он упал на колени. Все запоздало вспомнили, насколько Светлому тяжело стоять после «вето». Условия выполнены, правда прозвучала, но «вето» продолжало пить Силу, утаскивать Фазуллаха в сумеречную кому.

– Джалим-хоса, ты пройдешь от Хорезма до государства Цзинь... Проверишь все племена, которые пьют молоко кобылы, и найдешь ребенка. – Он не просил, не приказывал. Фазуллах будто вещал истину: то, что обязательно свершится. – Затем... – Светлый начал заваливаться набок, – делайте так, как решено. Это слово всего Совета.

Фазуллах распластался на полу безвольной тряпицей. Я посмотрел на него через Сумрак и едва не вскрикнул. Душа Светлого, его сумеречная оболочка, была сплошной черной дырой.

Но он дышал. Вроде бы.

2

– Темуджин... Что мы скажем твоему отцу? Что скажет твоя мать Оэлун?

Всю дорогу от реки старая служанка охала и причитала. Мальчика хватились, только когда солнце начало клониться к закату.

– Сын вождя монголов не должен прибавлять седых волос родителям! – не умолкала женщина. Темуджин молча тащился следом за ней. Отец был справедлив и никогда не наказывал его за долгие прогулки. Но в этот раз Темуджин чувствовал, что простым замечанием не обойдется. Старшему сыну вождя не пристало бегать от сватовства.

– Сугар! – тихо позвал он, остановившись.

Служанка обернулась.

– Я видел тени на воде... Всадники-воины мчались не разбирая дороги...

Темуджин прикрыл глаза и не заметил, как вытянулось лицо старой Сугар.

– Их гнал страх! Я водил рукой по воде, вот так, – мальчик погладил рукой воздух, – и они кричали. А потом под ними тень расступилась... Я топил одного за другим, пока все всадники не исчезли. Сугар, ты мудра, скажи, что значит мое видение?

Солнечный свет вдруг поблек: из-за горы Бурхан выползло большое темное облако. Ливни приносили в степные края жизнь, заставляя жухлую траву зеленеть и давать новые побеги. Монголы радовались дождям, считая их благосклонностью Отца Неба, хотя память стариков хранила недобрые годы, когда солнце совсем не выходило из-за туч. Темуджин плотнее запахнул халат, вглядываясь в темнеющее небо и не замечая пристального взгляда служанки.

Сугар смотрела на мальчика сквозь Сумрак и видела то, что наполняло сердце горечью: радужное облако вокруг Темуджина утратило детскую неопределенность. Еще несколько лун назад мальчик был готов ступить на любой из путей Силы, но теперь в его «второй душе», как про себя называла Сугар эти всполохи, отчетливо виднелись темные пятна. Что-то извне исказило сумеречный облик маленького монгола, вложив в него порок и гнев.

– Какого племени была твоя конница? – Сугар положила руку на плечо будущего Темного.

– Не разобрать. Я столько и не знаю, – прошептал мальчишка.

– Ты спал, Темуджин. Солнце нынче светит ярко, рождая дурные сны. Поторопимся же, пока твой отец не прислал воинов искать маленького негодника!

* * *

Подол халата вымок и тяжело бил по ногам. Позади остались теплые кострища, заботливо закрытые пологам от случайного дождя. Там раскинулось родное кочевье, где ночная стража охраняла сон людей, ведущих свой род от степных ветров. Никто не пройдет незамеченным мимо храбрых монголов, преданных своему господину.

Никто, кроме Иной.

Земля липла к подошвам, будто призывая остановиться, передумать. Сугар, прихрамывая, уходила в сторону реки. Лунный свет превращал долину в ровное полотно, на котором малейший кустик отбрасывал огромную тень.

Нет тени чернее, чем в полночной степи...

Походка женщины вдруг обрела почти девичью легкость. Согнутая спина распрямилась, по плечам хлестнула волна темных волос. Монголка двинулась по кругу, напевая что-

то под нос и приплясывая. Здешние края знали много песен, но эту нельзя было спеть доброму гостю или затянуть в честь победы над врагом.

На берегу реки Онон звучала песнь Духов.

У Сугар болели колени, поврежденные когда-то ударом кнута, но она не прекращала странного действия. Ветер будто подталкивал служанку, заставляя сокращать каждый круг на несколько шагов. Песня оборвалась одновременно с танцем. Сугар привычно посмотрела на свою тень, но не стала входить в Сумрак. Вместо этого тень сама поднялась в полный рост и замерла.

– Я зову духов монгольского племени, – тихо сказала ей Светлая.

Молчаливая темная масса колыхнулась и изменилась в размерах: теперь она превосходила женщину ростом и шириной плеч.

Сугар почувствовала, как ее ощупывает взгляд из самых глубин Сумрака, куда ей никогда не спуститься.

«Что ты ищешь, женщина Света?» – проговорила тень.

– Назови себя, житель иного мира! – Голос служанки дрогнул, а на лице выступил пот.

«Не тебе спрашивать об этом. Спроси то, что требует ответа», – тень повела плечом, будто отмахиваясь от назойливой мухи.

– Темуджин. Кем он станет? – Светлую уже била мелкая дрожь, поэтому размениваться на другие вопросы не имело смысла. Сумрак тянул из служанки Силу.

«Ты знаешь. Он будет Темным».

– Что ему уготовано?! – с болью выкрикнула Сугар.

«Большая печаль. Иная судьба».

– Что будет с нашим народом? – Женщина почти шептала.

«Клятва решит все».

Тень растеклась по траве и снова приняла очертания сутулой фигуры, закутанной в несколько халатов. Колени все же подвели, и Сугар рухнула лицом в землю. По щекам катились злые слезы: духи взяли большую плату, а ответ дали слишком расплывчатый, чтобы можно было что-то понять. Одно только сказано точно: Темуджин будет Темным.

Старая Сугар плакала и колотила кулаками мокрую землю. Ее маленький хозяин, милый Темуджин, должен был стать врагом! Одному Отцу Небо ведомо, какие несчастья может принести Темный Иной, стоящий во главе племени. А ведь Есугай уже ищет ему невесту и сулит большие победы...

Сугар всхлипнула в последний раз и с трудом села. Ночь стремительно теряла свое очарование, делая все серым и невзрачным. Девять долгих лет заботы о мальчике-Ином оказались бессмысленны. Воспоминания пронесли перед внутренним взором: вот младенец, целиком уместившийся на сгибе отцовского локтя; вот маленький Темуджин говорит первое слово – свое имя; вот отец сажает мальчика на резвого жеребца и, хлопнув по крупу, посылает того в степь...

Все было напрасно. И защитные чары, наложенные простой служанкой, чтобы ничей недобрый глаз не обратил ребенка во Тьму, – тоже.

Светлая шумно выдохнула. Кончено. Отныне судьба Темуджина в руках извечных Сил.

Сугар потянула на себя тень и принялась рвать защитные символы один за другим.

* * *

От века племя монголов выбирало себе жен среди красавиц рода унгиратов. Есугай был мудрым вождем, посему озаботился женитьбой сына заранее. Есугай был также смелым воином, поэтому в дорогу помимо Темуджина позвал лишь двух верных слуг.

Переход длиной в день и ночь был легким. Казалось, само Небо благоволит потомку хана Амбагая на пути к дружественному племени. Невеста была чуть старше Темуджина, что сперва заставило мальчика хмурить брови в попытке казаться взрослее. Но не успели утренние лучи высушить траву, как дети уже играли вместе, забыв про разницу в возрасте.

Есугай-баатур глядел на сына с гордостью и незнакомым, щемящим чувством: совсем скоро Темуджин станет мужчиной и начнет совершать свои подвиги. Ему хотелось остановить на миг время, насладиться отцовством сполна, но, по степному укладу, малолетний жених должен был несколько лун жить в семье невесты.

Вождь монголов не боялся разлуки, но все равно старался запомнить каждую черту лица своего отпрыска. Когда они увидятся в следующий раз, Темуджин может стать уже другим, впитав мудрость и знания унгиратского племени.

Лишь солнце склонилось к закату, Есугай попрощался с сыном и направил коня в сторону дома.

* * *

Едва заметная тропинка уводила все выше. Тот, кто ее проложил, обладал хорошим здоровьем: временами ниточка вытоптанной травы заставляла карабкаться вверх по осыпавшимся камням.

Я останавливался, дул на ободранные ладони и продолжал путь. В этом году выдалось на редкость дождливое лето, земля не успевала высохнуть под жарким солнцем. Ноги скользили по влажной траве.

– Какой правды ищет верный сын степи на склоне горы Бурхан? – Голос Орчу раздался совсем рядом и чуть не заставил меня сорваться с очередного мшистого уступа.

– Лучше бы помог, старый пройдоха... – проворчал я, пытаясь восстановить равновесие.

– Зачем? – удивился тот. – Неужто руки Джалим-хоса ослабли, а ноги стали подобны мягкой глине?

– Еще слово – и придется мне убеждать тебя в обратном... – Я перегнулся через каменный выступ и наконец смог перевести дух. Дорога к жилищу шамана не может быть легкой. Если здесь пришлось бороться всего лишь с горным склоном, то в Сумраке тропу вполне могла охранять какая-нибудь тварь. Я предпочел простую усталость.

– Здравствуй, Орчу.

– И тебе благоденствия, Светлый. – Седой монгол учтиво склонил голову.

Орчу был единственным из Иных, чья принадлежность к Темным никак не влияла на нашу дружбу. Мудрый шаман давно не делил мир на добро и зло. Я бывал у него, когда одолевали сомнения, и всякий раз уходил с пониманием, что делать дальше. Долгий век наделил его натуру неспешностью, которой могли позавидовать горы.

– Тиха ли твоя жизнь, как прежде? – Я поторопился с вопросом. Сперва следовало дожидаться приглашения отведать травяного отвара, высказать довольство погодой, затем сесть рядом на камень и созерцать, как ветер колышет ковыль. У шаманов любое обращение к Силе начиналось с ритуала, неудивительно, что даже в разговоре они были неспешны.

– Вечно ты подгоняешь бег времени, Джалим, – сощурился Орчу. – Однажды я замурую тебя на двести лет в камне, и ты наконец познаешь терпение.

Было не ясно, шутил ли мой старый знакомый. Его слова могли быть как невинной шуткой, так и весомой угрозой.

– «Однажды» – не значит «сейчас». – Я разглядел на морщинистом лице тень улыбки и выдохнул с облегчением. Орчу помотал головой будто в поисках подстилки и уселся на расколотый валун. Мне пришлось устроиться рядом.

– Ты нашел мальчика?

– Нет... – Ответ вырвался раньше, чем я успел удивиться. – Откуда тебе знать, что мне нужно?

– Так земля степная – ровная, далеко видать... Все как на ладони. Вы его девять лет уже ищите.

– Они. Я перед ликом Сил не клялся, губить ребенка не желаю... – Если Орчу знает про мальчика, скрывать остальное не имеет смысла. Откуда же? Меня запоздало осенило. Вот же глупец Джалим-хоса! Привык к беспечности шамана, который доселе ни разу не лазил в твою голову! Я глянул на свою тень и спешно сотворил заклинание, закрывая мысли.

– Тогда что же ты, Светлый, делаешь в монгольском краю? – Старик явно почувствовал, как Сумрак колыхнулся, но вежливо не подал вида.

– Коней краду! – досадуя на забывчивость, ляпнул я первое, что пришло в голову.

– Коней – это плохо. За своих коней степняки головы рубят, как за детей малых... – Орчу одарил таким взглядом, будто и впрямь примерялся, куда вернее ударить.

– Шучу, – буркнул я.

– Это хорошо.

Молчание. Шелест травы.

– Фазуллаху вернули? – Ох, как далеко Орчу успел влезть в мою память...

– Нет. Так и застрял где-то в Сумраке. Его один Светлый из Рима врачует.

Шаман усмехнулся, полез куда-то в складки халата и достал куклу из мешковины наподобие тех, что дарят совсем малым детям.

– Отдашь тому латинянину, пусть голову поломают.

– Благодарю...

Игрушка была размером аккурат в мою ладонь. Я задумчиво повертел ее, но не нашел ни следа колдовства.

– Ты же знаешь, зачем я тут.

– Знаю. Только помощи тебе никакой не будет, одно беспокойство, – тут же отозвался Орчу.

– Кто-то хорошо постарался, чтобы ни Светлые, ни Темные до него не добрались. И вдруг какая-то ведьма берет след...

– Зря ты так про Сели-ханым, хорошая женщина, – перебил шаман.

– Да без разницы! – Я начал раздражаться. – Тебя послушать, так все хорошие!

– А для тебя – плохие. Джалим, ты все время знал, где искать мальчика. Что ж не облегчил задачу своим хорезмским друзьям? – Орчу утратил на время свою загадочность. Сейчас мы общались совсем как старые приятели.

– Я их Договора не принимал, в Дозоре не состою. Отправили, как ищейку, будто имеют право! Хотят убить малое дитя – пусть сами всю степь носом перероют, за каждым кочевьем побегают! И пешочком, как я в тот раз...

– Сумрак в степи злой, да... Намаялся порталы открывать? – сочувственно глянул шаман.

– После того случая и вовсе забыл про них. Верхом вернее.

Мы помолчали. Орчу отламывал от камня кусочки слоистой породы и с мрачным видом бросал вниз.

– Ты знаешь, где искать Темуджина. Все теперь знают, и только вечное Небо еще хранит мальчишку. Правда, пока твои дозорные доберутся...

– Что делать, Орчу? – Было больно думать, что ничего нельзя исправить.

Предсказание изречено... Никто не хочет войны, которая может уничтожить множество Иных и людей, даже Темным это не нужно.

– Предсказание? – Шаман расхохотался, и я обнаружил, что от мысленного щита не осталось и следа. Он снова видел меня насквозь.

Мне стало не по себе. Шаманы относились к древним Иным, которые видели зарю человечества. Многие из них обращались с Силой легко, могли обвести вокруг пальца даже Высшего, не то что степняка с первым рангом. Но природа всегда стремится к равновесию. За умение мастерски управлять чужими чарами они расплачивались внешними проявлениями своих способностей.

Будто отвечая моим мыслям, Орчу закатил глаза и затрясся всем телом. На губах выступила пена, словно Иной объелся волчьих ягод. Он сполз с камня и принялся кататься по траве в опасной близости от обрыва. Первым моим побуждением было подхватить старого пройдоху, но я вспомнил, что так Орчу начинал каждое свое погружение в Сумрак. Пришлось просто отойти на несколько шагов.

Его губы разомкнулись, и из них полилась древнетюркская речь. Забытые созвучия падали в сознание, как железные шары, громко отдаваясь эхом в стенках черепа. Напротив побелевших глаз шамана возник обрывок пергамента: Орчу читал, а не говорил по памяти. Сумрак заволновался, впиваясь в тело сотнями колючих репьев: я и не заметил, как провалился на первый слой...

Слова нового предсказания отгремели. Мир теней и духов неохотно выплюнул меня обратно в степное лето. Орчу сидел на земле, довольно улыбаясь, а я видел, как меняется узор событий: линии путались, обретая новые отростки, новые вероятности...

Новый исход.

– И... что же мне делать теперь? – Вопрос получился по-детски беспомощным.

– Просто побудь с ним рядом, – ответил шаман.

* * *

Глинистый берег был изрыт множеством острых копыт. Лагерь татар располагался совсем рядом, о чем можно было судить по многочисленным дымным султанам, поднимавшимся в небо. Ветер доносил запах тлеющего навоза и бараньей похлебки: степняки готовились к обеду. В животе заурчало.

Истинный сын степи никогда не откажет одинокому гостю в трапезе. Я смело направил коня на голоса.

– Там всадник! – прокричал детский голос, и несколько воинов тут же вскочили с мест. Подъехав ближе, я отметил, что это были совсем юные мальчишки, у которых только-только обозначились усы. Татары старшего поколения посмеивались, оглаживая подбородки, и не спешили хвататься за сабли: действительно, что может сделать одинокий путник, когда против него не менее двадцати хорошо подготовленных воинов?

– Приветствую вас, храбрые воины татарского племени! – Я поднял руку в мирном жесте. – Мой нос учуял здесь манящие запахи, а глаза увидели достойных мужчин. Найдет ли мое сердце радушных хозяев?

– Проходи и садись скорей к нашему столу, уважаемый! Татары радуются каждому мирному путешественнику, которого Небесный Отец посылает в наши края! – улыбнулся самый старший.

С церемониями было покончено, я слез с коня и с удовольствием устроился на рулоне войлока возле низкого стола. Слуги тут же поставили передо мной блюдо, заполненное мясом, а одна из жен старшего наполнила пиалу вином. Мужчину звали Саулиту, его люди оказались дозорными, следившими за западной границей татарских владений. Я наслаждался беседой и блаженной сытостью, почти забыв о противоречиях, которые всю дорогу раздирали душу на части.

– Всадники! – внезапно заорал слуга прямо у меня над ухом. На вершине холма действительно замерли трое верховых. Они явно не пытались скрываться, но и не спешили к уютному костру. Один из младших воинов-татар подъехал к троице и тут же прискакал обратно с донесением.

– Монгольский вождь Есугай приветствует хозяина Саулиту и выражает нам мирные намерения!

Вокруг татарина заалело облако злости. Я мог бы коснуться его через Сумрак и погасить очаг ненависти. Саулиту потом бы долго хмурил брови и пытался понять, отчего он вдруг проникся радушием к своему заклятому врагу. Я бы сделал так, просто повинуясь желанию Света... но не в этот раз.

Саулиту неожиданно растянул губы в улыбке и прошептал что-то на ухо слуге. Я видел, как вторая душа татарского воина сменила оттенок: поверх красной ярости легла фиолетовая печать долга. Все шло не так, как я предполагал. Если Саулиту прикажет убить Есугая, о нем побежит молва как о подлеце, который нарушил закон гостеприимства. В степи не останется человека, который бы не плюнул ему в спину. И хотя кровь вождя Темуджин-уге вызывает о мести, краткий миг торжества будет оплачен сотней лет позора.

Я мысленно застонал. Извечные Силы, за что вы мне шлете это испытание?!

Есугая уже усадили за стол, и беседа возобновилась. Вождь монголов порой поглядывал на меня со странной тоской, будто чувствовал что-то. Хватило мгновения, чтобы проверить: нет, отец мальчика был простым человеком, хоть и с непростой судьбой.

Застольный разговор стремительно скатывался во взаимное молчание. Есугай-баатур был достаточно умен, чтобы не задерживаться дольше, чем того требует вежливость, поэтому он рассмеялся очередной шутке татарина и изобразил раскаяние.

– Сожалею, уважаемый Саулиту, но мне и моим слугам предстоит долгая дорога домой. Поднимем же свои чаши во славу Небесного Отца!

Время вдруг замедлило свой бег, а мысли замелькали с пугающей быстротой. Татарская женщина, робея, наливала в чашу Есугая бесконечно тягучее, густое вино. Узор будущего снова спутался в неразборчивый клубок, который требовал немедленных действий, а я все завороченно глядел на эту медленную струю, которая наполняла узорчатую пиалу, и не мог решиться.

...Пусть дремлют предвечные Силы... Пусть сладко спит Тьма, враг мой, хозяйка многих кровопролитий... Пусть смежит очи Свет, друг мой и строгий учитель. Ни к чему призывать их в свидетели злодеяния, призванного сохранить мир в Мире. Я свершаю это во имя спокойствия, именем человека, которым я был. Руками Светлого Иного, которым я стал...

Иногда проще воспользоваться простыми человеческими инструментами.

Я протянул ладонь через Сумрак. Для остальных движение было слишком быстрым, чтобы заметить, как из моей руки в чашу Есугая высыпался бесцветный порошок.

Вождь монголов осушил вино и поднялся, прощаясь. Его слегка шатнуло – он на миг нахмурил брови и тут же улыбнулся, видимо, вспомнив что-то приятное.

Вспоминай, Есугай, своих родных и близких. Вспоминай двух жен и четырех сыновей, вождь монголов. Совсем скоро твои внутренности будут пылать огнем, лоб покроет испарина, а лица близких сольются в рыжий туман. Торопись увидеть их до того, как Небесный Отец растворит тебя в вечности.

Я посмотрел, как монголы забираются в седла, и меня пронзило чувство вины.

– Доброго вам неба над головой, уважаемый Саулиту. Я, пожалуй, поеду с вождем Есугаем, на какое-то время наши с ним дороги сходятся.

– Прощай, уважаемый Джалим-хоса. Да будет твой путь легким, а конь пусть не знает усталости! – с некоторой холодностью ответил татарин.

– Вождь Есугай, подожди! – Я взлетел в седло и поскакал вслед за человеком, которого только что убил.

* * *

Небесный Отец созвал свое облачное воинство, закрыв им солнечные лучи, и замер в почтении. На берегу реки Онон – праматери монгольского племени, не осталось ни одного беззаботного кочевника. Из многочисленных юрт доносился женский плач и стенания, мужчины сурово хмурили брови и не разжигали костров.

«Татары вероломно отравили нашего хозяина», – так сказал слуга Есугая, а подтвердил его слова бледный и напуганный путник Джалим-хоса, который уступил свою сильную лошадь, чтобы довезти еще живого вождя до дома. Безвестный странник оказался сведущ во врачевании и как мог облегчал страдания умирающего баатура.

И пока жены и дети не смыкали глаз у его постели, в сердце племени зарождалась смута, которая могла положить начало кровопролитной борьбе за право называться новым вождем монголов.

* * *

Мокрые тряпицы на горячем лбу Есугая стали меняться все чаще. Мужчина попеременно бредил, вскрикивал что-то бессвязное и снова погружался в сон. Я рисковал, заходя в кочевье: старая служанка семьи Есугая оказалась Светлой Иной, правда, слабой. Несомненно, она бы что-то заподозрила, но встреча с Орчу напомнила об осторожности, и за несколько ли до конца пути я вложил немало Силы в защитное заклинание. Теперь для всех, кроме Высших, я выглядел простым человеком.

Странно, но близость к умирающему нисколько не трогала меня. Я знал, что этот человек готовился совершить множество набегов, убить сотни, а может, и тысячи людей. Знал, что он взял свою власть отнюдь не уговорами и не богатым выкупом. И все равно странно быть сердобольным убийцей. Может, именно так чувствуют себя Темные?

Нет! Я вспомнил горящие яростью глаза Алара и когтистую лапу, сомкнувшуюся на шее. Темным неведомы жалость и милосердие. Тьма – мой враг, но сейчас Силы действовали совместно. На какое-то время я стал их орудием. Может, только по этой причине Свет не рассеял мой прах в Сумраке сразу после злодеяния?

– Пошлите за Темуджином! – еле слышно прохрипел Есугай, пришедший в себя. Я опешил. Мальчику-Иному не следовало видаться с отцом. Последние слова умирающего обладали великой силой и могли столкнуть неокрепший разум в сторону Тьмы.

Тогда не избежать войны среди людей.

Я вызвал в сознании узор вероятностей. Линия, которая раньше была совсем незаметной, начала наливаться красным и разбухать. Вот же дурак ты, Джалим-хоса! Своим ненужным состраданием губишь дело, которое сам и начал.

Есугай уже одной ногой в могиле, но может оставить неприятное наследство в виде посмертного проклятия или наказания. Я еще раз внимательно изучил узор и облегченно выдохнул. Кровавая линия тянулась в будущее и резко обрывалась. До племени унгиратов не меньше суток пути, а вождь умрет к исходу дня. Не успеют.

Никто не стал меня останавливать, когда я покинул юрту и забрал коня у проворного мальчугана, дежурившего на входе. Люди пусто смотрели перед собой, в их памяти мои черты расплылись, а голос забылся. Простое слабенькое внушение – и можно ехать.

Конь без труда поднялся на холм, и я на миг оглянулся. Спину сверлил чей-то пристальный невидимый взгляд.

3

– Госпожа Оэлун! Госпожа Оэлун! – Маленький Бектер, сын второй жены Есугая, бежал со всех ног. Женщина украдкой вытерла слезы и обернулась. Смерть вождя положила начало большой смуте в рядах монгольского племени. Женщину со всей семьей оставили на бесплодном пастбище встречать голодную смерть. Самые близкие родственники не желали больше смотреть ей в глаза. Все, что осталось первой жене Есугая, – несколько верных людей и скудные пожитки. И могила мужа, у которой она молилась часами.

– Госпожа Оэлун! Темуджин запретил мне играть! – Голос Бектера дрожал от обиды. – Накажи своего сына!

– Бектер... – как можно мягче начала Оэлун, – Темуджин – твой старший брат, и ты должен его слушаться.

– Я не буду его слушаться! Он говорит несправедливые вещи! – Мальчик зарыдал и бросился обратно к юрте.

Оэлун вздохнула и с укоризной глянула на курган из камней, будто тень мужа могла повлиять на детей. Как же рано ушел гордый герой степей, о котором уже начали слагать песни! Ушел – и теперь благородная семья вынуждена искать съедобные корни и питаться рыбой, не помышляя о былом изобилии. От века монголы считали, что право на правление нужно оплатить заслугами и подвигами. Никто не стал бы слушать ребенка, будь он хоть сыном самого Небесного Отца.

– Вырастай скорее, мой маленький Темуджин... – прошептала женщина, сдерживая рыдания, – вырастай и докажи, что ты настоящий сын степи.

* * *

Прошло всего две луны с тех пор, как я покинул берег реки Онон. Бывшее когда-то многолюдным кочевье опустело. Трава еще была примята на местах, где стояли юрты, земля сохранила следы многочисленных колес, потухшие кострища сиротливо разглядывали небо.

Через Сумрак был виден мерцающий купол, закрывающий лагерь. Видимо, это все, на что хватило умений Светлой колдуньи. Неявь – так называли это заклинание хорезмские дозорные. Местная Иная вряд ли знала такие премудрости и пользовала Сумрак по наитию: нужно защитить дом, значит, откуда-то возьмется Сила, и над лагерем засияет прозрачный щит. Он отведет глаза чужому человеку, а Иного предупредит, что не стоит связываться.

Судя по всему, в этот приезд разговор «по душам» все же состоится. Разум на миг затуманило злостью, рука сжала повод так, что костяшки побелели. Чуткий к любому движению всадника конь переступил копытами. «Бежать, хозяин? Или идти?» – я будто услышал вопрос.

– Тер, – скомандовал я, и жеребец снова замер.

Да будут прокляты все предсказания в этом мире! Я сделал все, чтобы не свершилось сказанное Фазуллахом! Благодаря Орчу я один, пожалуй, понимал истинный смысл сказанного на Совете. Но теперь размышляю о том, как буду биться с такой же Светлой, как я сам. Извечные Силы будто играли мной.

Решив пока что не нарушать незримых границ, я послал коня в обход, к маленькой рощице. Там разгорался ярко-алый огонек злости.

* * *

– Ах ты, шакал! Как же ты смог вырасти таким ничтожным и неблагодарным сыном нашего отца?! – Темуджин бил словами прямо в цель. Упоминание об отце всегда доводило брата до слез.

– Ты злой! – ревел Бектер. – Ты хуже волка!

– Убирайся отсюда! – Звонкий мальчишеский голос резанул по ушам. – Я вырасту, стану вождем и прикажу повесить тебя на дереве вниз головой!

Темуджин угрожающе потянулся за луком, и младший брат сорвался бежать. Первенец Есугая мрачно отдернул ладонь от оружия. Хоть лук и маленький, под детскую руку, но стрелы Темуджина были темны от плохо смытой крови. Не один заяц нашел свою смерть на конце такой стрелы.

Я рассматривал мальчика, оставаясь в Сумраке. Коня пришлось привязать неподалеку, чтобы не выдал моего присутствия. Умное животное даже не фыркнуло, когда я ослабил подпругу и на всякий случай прикрыл его Неявью, сотворенной получше и покрепче, чем у служанки-Светлой.

Становилось ясно, почему самые сильные Иные Дозора не могли найти Темуджина долгих девять лет. Вокруг его головы еще сохранились следы охранных заклятий, которые мог наложить только близкий человек. Снимали их очень неаккуратно – вместо того чтобы размотать кокон из незримых нитей, его будто разорвали.

Но это почти не занимало моего внимания. Гораздо пристальней я рассматривал оболочку души Темуджина, которая утратила былое разноцветье. К девяти годам она окрасилась в багряные и черные оттенки: мальчик был потенциальным Темным, причем не самым слабым. Мне стало страшно от мысли, что может натворить Темный колдун, стоящий во главе пусть даже самого немногочисленного людского племени. Его никак нельзя было пускать в Сумрак! Внутри что-то нехорошо шевельнулось, и слова первого предсказания эхом пронеслись в голове.

Неужели я ошибся? Неужели кто-то из Темных однажды покажет Темуджину, как войти в свою тень и управлять Силой? Я убил отца мальчика, он потерял всякую возможность стать вождем монголов. Но не сделает ли это его еще более жестоким и устремленным?

Ответ сидел передо мной и ошипывал дикую утку.

Нет. Не горячись, Джалим-хоса, иначе опять заклеишь себя дураком. Шаман недаром прочел мне второе предсказание. Я прикрыл глаза и вызвал воспоминание.

В год, чье число – десять, родится золотое дитя.

Род Борджигинов, к которому принадлежит Темуджин, зовут «золотой семьей».

В день, когда мальчик из крови даст Клятву, рухнут оковы первого слова.

Клятва мальчика не может быть Договором между Светом и Тьмой. Тут Фазуллах точно просчитался.

Лишится отца – и сотворит мир от Восхода до Заката. Выживет вождь – и утонет в крови белый свет...

А вот тут я старался даже не думать об ошибке, за это можно поплатиться жизнью. Но Джалим-хоса хоть и дурак, но еще жив, значит, извечные Силы не торопятся рассеять меня в Сумраке.

Крепкая женская ладонь вдруг закрыла мне рот, а в шею уперся нож. В мыслях о предсказаниях я совершенно забыл о своей безопасности. Ну разве может даже очень слабый Иной быть настолько глух и слеп, чтобы не заметить, как колыхнется Сумрак от чужого присутствия?

Стоило восхититься умом старой женщины – попытайся она ударить любым колдовским способом, я бы успел поставить «щит». Поэтому просто подкралась через Сумрак и приставила нож к горлу.

– Светлый, не смей даже думать! – прошипела мне на ухо служанка. – Ну-ка, пошли отсюда!

Оставалось только подчиниться. Осторожничая, я сделал первый шаг, и шею кольнуло. Женщина снова подтолкнула меня в спину, не замечая, как нож впиивается глубже.

Дурное начало знакомства: Светлая ведет Светлого. Мы прошли мимо настороженно поднявшего голову Темуджина и стали спускаться в ложбину, уходя из поля зрения мальчика. Странное дело: чем дальше отходили от поляны, тем более кривыми и жухлыми становились окружающие деревца. С удивлением я заметил, что на них появляется синий мох: редкий гость в краях, где люди беспрестанно кочуют с места на место. Через десяток шагов я понял, что здесь забыл сумеречный паразит.

В маленькой низине, в самом сердце рощи, был насыпан каменный курган. В таких монголы хоронили уважаемых людей, чтобы уберечь их тела от падальщиков. В Сумраке курган был ярко-синим: мох скрыл его полностью. Здесь часто и много плакали, вспоминая вождя-баатура, который так рано покинул мир.

Я вдруг почувствовал, что железо больше не царапает шею, и тут же вышел из Сумрака. Мы замерли друг напротив друга, как двое поединщиков. Двое Светлых Иных. Старая монголка и безродный скиталец, перекасти-поле. Похожие внешне... и бесконечно далекие по Силе.

– Ты должен уйти. – И куда подевалась та суровая женщина, которая только что была готова убить себе подобного? Сейчас ее глаза лучились добротой и вниманием.

– Мне надо поговорить с Темуджином, – начал я.

– Не о чем! – Снова сталь в голосе.

– Он может натворить бед, – снова попробовал я.

– Тем более не стоит ему знать о своей природе, – была неумолима женщина.

– Как твое имя, Светлая? Я хочу знать, кто скрывал ребенка столько лет, а потом вдруг снял защиту, подставив его под удар.

В глазах монголки мелькнуло непонимание. Откуда ей знать, какое страшное будущее было завязано на маленького Иного? Она всего лишь была рядом с ним с первой минуты его жизни.

– Это ты! – Непонимание сменилось догадкой и узнаванием. Она наставила на меня палец. – Ты! Привез Есугая при смерти, а затем околдовал всех, чтобы уйти без лишних вопросов!

В Сумраке это было даже красиво: белое сияние вокруг женщины вдруг окрасилось в красный цвет. Темные волосы, собранные в косу, расплелись сами собой и тяжелой волной расплескались по ее плечам.

– Из-за тебя умер вождь! – Нет, это не был праведный гнев Светлых. Сейчас я видел кровавую Темную злость, захлестнувшую ее сознание. Причудливо все же сплетаются Силы в том мире, где нет Договора между ними... И опасно.

– Светлая, не тревожь сумеречный мир... Дай сказать слово. – Я хотел объяснить все, пересказать хоть кому-то свои сомнения и страхи.

– Сугар!!! – истошный крик прервал нашу беседу, и Светлая молниеносно обернулась. Сейчас она походила на волчицу, услышавшую стон своих щенят.

Мир вдруг померк и вздыбился серым вихрем, волоча меня и монголку за ноги. Мы провалились на первый слой одновременно, только я силился поставить «щит», а служанка творила что-то атакующее. От выплеска чувств мир теней брыкался, будто дикая лошадь. Будто в него плеснули свежей крови...

Я так и не поставил «щит», и он осыпался с пальцев бесполезной трухой.
Монголка замерла с недоговоренным заклинанием на губах.
Темуджин бежал сюда сквозь Сумрак. Он видел нас.
– Сугар!!! Я...

* * *

Несмотря на множество испытаний, выпавших на долю сына вождя, он не привык к предательству. Темуджин видел, как его семью покидают самые близкие: как мать надрыгается в плаче, пытаясь остановить их, как бросается грудью на повозки, а люди отводят глаза и все равно направляют коней прочь.

В глубине души мальчик продолжал сохранять детскую веру в то, что все образуется. Не могут родные люди предать – просто у них были важные причины оставить семью Есугая. Однажды они придут к его сыну, поклонятся до земли и скажут, что оступились.

Вера в родство только что сгинула. В тот момент, когда плечо пронзила острая боль, Темуджин увидел Бектера.

Младший брат сжимал окровавленный нож, а в его глазах светилась ненависть. Он жаждал крови монгола из «золотого рода». Крови Темуджина.

Бектер напал из-за спины, как трусливый шакал. Темуджин чувствовал, как рукав истрепанного халата стремительно тяжелеет. Младший брат не стал терять времени даром и решил довершить начатое. Взвизгнув, он бросился на старшего и попытался вонзить нож уже ему в сердце. Надо отвести худую ладонь, отбросить Бектера и вразумить... Не допустить страшного преступления – братоубийства...

Это была последняя мысль Темуджина-ребенка.

Братские чувства сменились жгучей злобой. Мир взорвался сотнями цветных огней, и время вдруг замедлило бег. С изумлением мальчик видел, как медленно движется рука Бектера, как тянется капелька слюны из его перекошенного рта.

Темуджин видел даже, как бьется его маленькое сердце: должно быть, оно колотилось как бешеное, но в этом мире удары звучали неспешно, как траурные барабаны.

Мальчик улыбнулся и вдруг понял, что Бектеру никогда не одолеть своего старшего брата. Он двигался слишком медленно для того, чтобы нанести ему хоть какой-то вред.

Темуджин поразмыслил еще мгновение... а затем точным движением свернул брату шею.

* * *

– ...я убил своего брата!

Мальчик не плакал и не причитал подобно тому, как делают это дети. Это был оглушительный вой взрослого человека, осознавшего непоправимое. Темуджин обошелся без помощи других Иных и вошел в Сумрак сам.

Из детского плеча хлестала кровь, и Сугар бросилась было помочь, но на полпути ее настигло осознание слов Темуджина. Женщина замерла, как истукан, с искаженным в беззвучном крике ртом. Свечение вокруг нее померкло, а затем и вовсе исчезло.

Никто не смог бы объяснить, почему, в первый раз войдя в Сумрак, мальчик бросился к простой служанке, а не к матери. Может, все годы жизни он чувствовал какое-то родство, причастность не только к монгольскому племени, но и к какой-то неведомой ему силе. Силе Тьмы, обратной силе Света.

Я не сразу понял, что происходит, а затем было уже поздно. Сугар вдруг переломило посередине, как тряпичную куклу, и Сумрак одним мощным вдохом вобрал ее образ, не оставив ни пылинки. Была – и исчезла.

Развоплощение. То, что грозит Светлому, когда он не справился с тяжелой ношей ответственности.

Ноги отказались меня держать. Я не хочу уходить, как Сугар. Она была слаба и не знала о предсказаниях, о Совете, о застрявшем между Сумраком и людским миром Фазуллахе... Она всего лишь защищала дитя своего хозяина и не справилась с задачей. Я застонал, пытаюсь унять бешеный поток мыслей.

Я все сделал правильно.

Предсказания сбылись оба?

Я Светлый, сделавший выбор.

Или одно, но которое?

Верный выбор. Верный!!!

Извечные Силы смеялись мне в лицо. Яркой картиной смерти Светлой Иной. Темной дырой, в которую превратилась душа Темуджина.

Мальчик стоял, глядя в пустоту – туда, где еще несколько мгновений назад дышала добрая старая женщина, не сотворившая ни единого зла. Сумрак вдоволь напился крови, Силы, страха и сейчас выталкивал нас на поверхность, будто негодную пищу. Я взял Темуджина за руку и вывалился в прежний солнечный мир. Вокруг не осталось ни следа синего мха.

– Мое имя Джалим-хоса. – Я постарался, чтобы голос не дрожал. – Тебя надо перевязать. – Надо было оттянуть тот миг, когда потребуются объяснения.

Темуджин смотрел на меня, как молодой волчонок, – с недоверием и глубоко спрятанным страхом. Я потянул с его плеча халат, пытаюсь обнажить рану, и мальчик будто во сне послушно принялся распутывать завязки. Пока что все случившееся казалось ему дурным видением. Сын вождя еще не осознал и не верил. Но уже чувствовал.

Да. Лучше спросить сейчас.

– Скажи, Темуджин... Ты давал Клятву? – Я надеялся, что мой нехитрый прием сработает. О какой-то клятве шла речь в обоих предсказаниях, и я ждал ответа. Думал, что маленький мальчик, лишившийся отца из-за вечной вражды степных племен, поклялся не допускать более войны. Ему суждено было создать мирное государство от японских берегов до западных пределов Римской империи – так сказал шаман Орчу.

– Нет.

Какой же ты дурак, Джалим-хоса...

Я расхохотался в голос, как безумный. Я и был обезумевшим Светлым чародеем – таким, которых уничтожали свои же, если раньше их не забирал Сумрак. Сейчас по мою душу уже шли Светлые и Темные – все, чьим послушным инструментом я стал. Все, кого пытался обхитрить.

Я слышал негромкие хлопки неподалеку – с таким звуком открывается жерло сумеречного портала.

Первой была Сели-ханым. Темная шла обманчиво легкой походкой, но от ее шагов Сумрак волновался и шел кругами. Полы длинного одеяния хищно шевелились, прижимаясь к земле. Пожалуй, остальные явились зря – Высшая ведьма развоплотит меня одним движением. После всех событий я был что безвольный барашек против матерого волка.

– Джалим-хоса! – Темуджин вдруг вырвал меня из созерцания приближающейся смерти. – Я буду как она?

– Ты будешь... сильнее. – Я с трудом не сказал «хуже».

Ноги совсем отказались держать, и я рухнул коленями в пыль. Все одно – приговор от Совета или растворение в Сумраке. Лишь бы быстрее кончилась эта мука.

Темная остановилась.

Темуджин строго глянул на нее – так, как умеют только дети. Затем поднял камень, откатившийся от могилы Есугая, и приложился к нему губами. Собрав какие-то крохи Силы, я только со второго раза смог взглянуть через Сумрак и вскрикнул. Мальчик творил что-то немыслимое – его душа, уже слитая с Тьмой, снова расслаивалась и покрывалась цветными пятнами.

Древнетюркское наречие зазвучало для меня снова.

Я, Темуджин, рожденный от Есугая,

Отрекаюсь от своей Силы.

Я не отдам ее никому, ибо она сеет разрушение.

Я дарю ее своему отцу, умершему бесславно на берегу реки Онон.

Да будет его могила печатью!

Да будет мое слово нерушимо...

...Откуда бы ему знать этот язык? Откуда бы ему знать, как сделать то, что не удалось еще ни одному Иному?!

Я в изумлении смотрел на Темуджина и ясно видел его душу: душу не-Иного, но великого. Великого Человека. В ней не было режущей глаз белизны Света. В ней не было черных провалов Тьмы.

Темуджин полностью лишил себя дара, за который тысячи людей готовы были даже умереть и влачить жалкое существование, питаясь кровью бродяг и крыс.

Мальчик замер, будто прислушиваясь к себе... и аккуратно вложил камень обратно в могильную насыпь.

– Джалим-хоса, тебе нужно поесть. Пойдем... – Он потянул меня за плечо.

Темная так и стояла, открыв рот и глядя нам вслед.

* * *

– Ты понимаешь, что ты сделал, Темуджин? – осторожно спросил я. Мальчишка откровенно радовал меня острым умом и необычайно взрослыми суждениями.

– Не-а, – мотнул он головой, – но что-то очень важное.

– Тебе предстоит долгая жизнь, полная лишений и утрат, – проговорил я.

– Я проживу ее достойно. Отец на небе будет мной гордиться! – счастливо ответил мальчишка.

– Ты отказался от дара, за который многие отдали бы несметные богатства.

– Несметные богатства не имеют цены. – Он улыбнулся мне, как глупому.

Мы жевали утку, приготовленную мальчиком на той же поляне, где я увидел его в первый раз. Скоро Оэлун отправится на поиски сына... и в семье Есугая обнаружится еще одно горе.

– Ты жалеешь о смерти брата?

– Жаль, что Бектера не вернуть, – равнодушно ответил мальчик. – Я бы убил его еще раз.

* * *

Странное это было время. Люди мерили события не часами и минутами, а годами и столетиями. Время баатуров – героев. Время гурханов и великих завоевателей, смотревших далеко вперед, опережая свой век. Великое время Людей и время Великих Иных.

Мне нечего было делать в этой борьбе. Я шагал, сминая монгольскими сапогами сочную траву, и ждал ответа от извечных Сил. Какой приговор вынесут мне, предавшему Свет, но не ступившему во Тьму? Уйду ли я навечно в Сумрак, чтобы никогда больше не беспокоить людские судьбы? Или...

Сумрак вдруг ожил и дал ответ.

* * *

Заканчивался тысяча сто семьдесят первый год.

В здании Ночного Дозора города Самарканда

открыл глаза Великий маг

Фазуллах.

Александр Сальников. Ученик царева арихметчика

27 июня 1908 г.,

Подкаменная Тунгуска,

Российская империя

Чучанчи третью ночь кряду виделся один и тот же сон. В серой и липкой дымке сновидения шаману грезилось, что вырастает над тайгой новое солнце. Раскалывается небо, оглушая грохотом, и огонь шершавым языком слизывает вековые деревья.

Старый эвенк видел, как стонет земля и небо застилают аспидные тучи. Как из разбитых небес льется на землю черный проливной дождь.

Утром за третьей ночью Чучанчи попросил у духов прощения, свистнул собаку и, не взяв поклажи, ходко двинулся на север.

«Если не брать скарба, – думал он, пыхтя на ходу носогрейкой, – можно успеть добраться до фактории».

От этой мысли старику сделалось светлее, и даже перестали болеть ноги.

Это было хорошо. Чучанчи должен обойти две дюжины чумов.

* * *

29 июня 1908 г.,

Лонг-Айленд, САСШ

В лаборатории было тихо. Молчали все – даже ехидный до приторности Морган. Только гудели едва слышно диковинные приборы гениального серба, да сухо отмеряли секунды карманные часы из белого капа. Деревянная секундная стрелка наматывала круги по циферблату. Долгожданное мгновение приближалось.

– Готовься! – по-военному скомандовал Василий, когда секундная стрелка пошла на последний круг.

Тесла побелел лицом. Отер платком вспотевшую ладонь и судорожно вцепился в ручку рубильника.

– Пять, четыре, – глухо начал Василий, чувствуя, как сила часов наплатала его до предела.

– Один момент! – вдруг подал голос Морган и встал с кресла. – Настало время завершить нашу сделку!

Василий чертыхнулся сквозь зубы и нажал неприметную кнопчку на корпусе часов.

И мир замер. Ровно на две с половиной минуты.

* * *

5 ноября 1728 г.,

Москва, Российская империя

– Не поеду дальше, – упрямо повторил возница.

Василий Онуфриевич горестно вздохнул. Много, много еще предстоит сделать, чтобы привнести огонь просвещения в покрытую дерюгой суеверий Россию.

– Давай хоть дотуда, – ткнул он пальцем в темнеющий впереди верстовой столб.

– Не поеду, – мотнул головой мужик. Задрал бороду и прищурился, глядя на четверугольную колонну Сухаревой башни. Сизой громадой она высилась на крутой горке.

Под самой ее остроконечной крышей, увенчанной двуглавым орлом, горело светом узкое оконце. Возница что-то пробубнил, трижды сплюнул через плечо и перекрестился.

Киприянов снова вздохнул и поглядел на небо. Полная луна сияла, словно отмытая репа, крупным горохом рассыпались по черноте поднебесья звезды.

– Тебя как звать-то?

– Мироном, – буркнул мужик.

– Ты, никак, старух полоумных наслушался, Мирон? Трогай давай! Не бойсь!

Возница помотал головой.

– Вона они там опять, – махнул кнутом на башню Мирон. – Сатану призывают.

– Дурак ты, Мирон, – начал раздражаться Василий Онуфриевич. – Обсерватория это. И нет в ней никого сейчас, кроме Иакова Вилимовича!

Заслышав имя Брюса, мужик будто бы весь сжался.

– Осерватория... – прошептал он. – А ты почему знаешь?

Киприянов взял себя в руки и миролюбиво произнес:

– Так я ж при Навигацкой школе состоял царским библиотекариусом. Оттого и знаю. И с графом Брюсом знаком. Величайший ум. Сидит сейчас, на небо смотрит и меня дожидается. А я тут тебя, холопа, уговариваю!

Мирон поправил треух и натянул обратно рукавицы. Вожжи, однако, брать не стал.

– Колдун ваш граф, – потряхнул бородой мужик. – Чернокнижник. С дьяволом он там сношается, а не на небо смотрит. Чего на него смотреть, на небо-то?

Будучи сам из мещан, Василий Онуфриевич по-доброму относился к крепостным. Но в тот миг Киприянову вдруг захотелось выписать шпицрутенцов упрямому и своенравному Мирону.

– Так не поедешь, значит? – Василий покосился на лежащий подле мешок.

В домоткани лежал уральский хрусталь хитрой огранки и редкой чистоты. Подарок Татищева был по диаметру чуть больше аршина, а весу имел все два пуда. Формой же камень был схож с яичным желтком на сковороде. Тащить его до Сухаревой башни будет тяжело и неловко.

Мирон молчал. Лошадь тревожно фыркала и била копытами, все норовя развернуться прочь.

– Лихое место, – проронил возница. – Вон даже скотина чует. Пешком идите. Сами.

– А ну как я Василию Никитичу скажу, что ты меня не довез? – пошел на подлый прием Киприянов. – У него в гневе рука тяжелая, говорят.

Мирон передернул плечами:

– Уж лучше к барину под плетть, чем в пасть к графу Брюсу.

Василий Онуфриевич от души выругался и спрыгнул с телеги.

– Темный ты человек, Мирон, – проворчал Киприянов. Ухватил мешок с дорогим подарком и трудно закинул его за спину.

Лошадь вдруг испуганно заржала и прынула в сторону. Едва не вылетев с козел, Мирон схватился за вожжи. Киприянову на краткий миг померещилось, что от верстового столба отделилась зыбкая тень и растаяла в ночной мгле.

– Но-о-о, пшла! – свистнул кнутом Мирон. Лошадь, не чуя боли от радости, понесла телегу прочь от Земляного города, в Москву.

Бывший библиотекарь Навигацкой школы, а ныне начальник над первой российской гражданской типографией Василий Онуфриевич Киприянов крикнул, поправляя на плечах тяжеленную ношу, и заспешил меж редких приземистых домиков к громаде Сухаревой башни. По смерзшейся грязи спешить выходило плохо.

Изрядно употев, Василий одолел остаток пути. Аккуратно опустил мешок наземь и отер лицо, переводя дух. Широкая гранитная лестница в полторы тысячи ступеней

выводила на второй этаж каменных палат сразу над Сретенскими воротами. Потом оставалось подняться на третий и одолеть еще три яруса самой башни.

Василий Онуфриевич глянул вверх. Высоко-высоко, почти сразу под шатровой крышей, маяком горел свет в оконце. Вдруг крутящийся циферблат часов над ним сдвинулся. Томным басом ударил колокол.

По коже Василия пробежали ледяные мураши. Из темноты арочного проезда ворот появилась едва различимая фигура. Человек не шел – он, казалось, парил над землей. Ветер ударил Василию по глазам, выбивая слезу. Киприянов утер лицо и всмотрелся – видение пропало.

– Померещится же, – хмыкнул он и склонился к мешку.

Василий Онуфриевич разогнул под тяжелой поклажей спину и нос к носу столкнулся с высоким господином в черном платье. От удивления и испуга перехватило дыхание. Незнакомец вдруг ухватил его левой рукой за ворот шубы, а правой резко ударил в живот.

Длинное лезвие вошло снизу вверх.

Нутро обожгло болью. Киприянов охнул и вперился в лицо душегуба. Отчего-то лица было не разобрать – только голубые глаза насмешливо светились ледяным сиянием.

– М-м-м... – промычал Василий, чувствуя, как закипает в нем кровь.

Тать довольно прищурился и провернул свинокол. Потроха намотались на сталь. Боль раскалилась добела.

Незнакомец в черном выдернул нож и отступил на шаг. На порошу брызнуло алое.

Василий зажал рану рукавицей и повалился ничком.

Будто во сне он видел, как убийца играючи подхватил мешок и от души приложил драгоценную ношу о гранитный парапет лестницы. Глухо хлопнуло, и хрусталь взвизгнул, расколовшись на куски.

Рукавица набухла от крови. Пальцы слиплись. Киприянов застонал и на миг закрыл глаза. Скрипя зубами, он натужно повернулся на бок.

Вокруг не было ни души.

Часы на башне ударили в четвертый раз и затихли.

Василий Онуфриевич коротко задышал. Поднялся на карачки и пополз к лестнице.

Пачкая багряным гранит, Киприянов одолел первый пролет.

Там он понял, что сил больше не осталось.

* * *

В обсерватории было холодно.

Граф кутался в плед и задумчиво рассматривал листок толстой бумаги. Витиеватым почерком на нем уже было выведено: «Предзнаменование времени на едино лето, тако и на прочие годы непременно звезд, падающих на небесную твердь...»

Боль от недавней утраты всколыхнулась вдруг в графе. Просочилась из того укромного уголка, куда заточил он прежде горькую память о смерти дражайшего друга Петра Алексеевича. Тесно, видать, было горечи, переполняющей сердце графа. Недавняя потеря бедной Агнессы поднималась волнами воспоминаний. Отравляла разум. Мешала графу мыслить.

Джеймс окунул перо в чернила и вывел: «Вычтена его превосходительством, господином генералом лейтенантом Иаковом Вилимовичем Брюсом».

Отдав последние почести государю и другу, граф не бросил занятий ни по коллегиям, ни по артиллерии. Но чтобы понять, что он больше не имеет желания даже близко находиться к той мышиною возне, что началась в Санкт-Петербурге, Джеймсу хватило года. Осторожная императрица подписала прошение, и граф вышел в отставку с чином генерал-фельдмар-

шала. Сторговав у Долгорукова сельцо Глинки, граф переехал с женой на берег Клязьмы и с головой окунулся в астрономию.

Отложенная за делами царевыми задумка занимала теперь все его время. День и ночь граф проводил за таблицами и арифметикой и вскоре получил первый результат. Результат был чудовищный. Джеймс до доски исчитал «Космотеорос» Христиана Гюйгенса. Книга голландца подтверждала ужасные догадки графа.

И тут она умерла. Его Агнесса.

Граф сам того не заметил, как принялся выводить виньетки по краю бумаги.

Забросив дела в имении, граф переехал в Сухареву башню. Отказать «цареву арифметичку» Адмиралтейство не смогло и даже выделило ему с прислугой палаты на верхнем этаже. В холодных гранитных стенах граф пытался забыться работой. Цифири уже были получены. Дело вставало за подходящей зрительной трубой.

Где-то над головой длинно ударил колокол. Граф стряхнул с себя темные мысли и посмотрел на луковичку каповых часов. Деревянные стрелки показывали четыре ночи.

– Да где же он? – удивился Джеймс. Взгляд его скользнул по громадине медной тубы. Не доведенный до конца телескоп целил жерлом в потолок, будто потешная артиллерия.

Граф дождался окончания боя курантов над головой и тряхнул серебряным колокольчиком. Дверь в палату отворилась, и на пороге появился желтокожий Гавриил.

– Ступай-ка наружу, Денбей, – не глядя на обрусевшего татарина из Апонского государства, приказал Джеймс. – Чего-то Василий Онуфриевич никак не идет. Может, стряслось чего? Посмотри!

Заспанный Гавриил потер раскосые глаза и коротко кивнул. Хозяин назвал его по имени, что он носил до крещения. Знак был плохой – граф не в настроении. Слуга опрометью бросился исполнять.

Диковинные часы из капа тихо щелкали на столе. Уверенные линии густо покрывали поля рукописи. Джеймс Дэниэл Брюс ожидал.

* * *

Василий умирал. Он знал это очень ясно. Лежа на спине, он чувствовал, как уходит из него толчками жизнь. Видел, как с каждым биением сердца звезды на небе начинают меркнуть, а луна становится серой.

Покойная матушка была права. Не было и раза, чтобы не бранила она неразумного Ваську за его занятия теорикой. Без разбору скопом считала все науки делом срамным и не богоугодным. А всех наученных держала за грешников, коим уготована адова геенна.

Вот только выглядел путь в преисподнюю не так. Не было ни бесов, ни огня. Не было серного смрада. Не было ничего вовсе – ни цвета, ни запаха. Василию казалось, что он медленно тонет в темной воде, а мир вокруг застыл и потерял краски.

Дышать было уже не нужно. Холода Василий не чувствовал. Лишь где-то внутри ударило сердце – изредка и едва различимо.

Серую луну вдруг заслонило чье-то лицо. Черты были размыты, но Василий отчего-то понял, что знает, кто это. Апонский слуга графа Гавриил ловко взвалил Василия на плечи и с неожиданной прытью потащил вверх по лестнице.

Когда его положили на пол, Василий не чувствовал уже ничего. Он опустил на самое дно. Вокруг была полная темнота, и в этой темноте еле слышались голоса. Жалкие крохи звуков, что смогли прорваться к Василию сквозь толщу серой воды преисподней.

Вдруг в этой темноте вспыхнула искра. Белое пламя затрепетало во мгле. Осветило вокруг, и Василий увидел, что языки света танцуют на чьей-то ладони.

Пламя приблизилось к ране, коротко лизнуло покрытое кровью платье. И тут нутро Василия отозвалось сначала острой горячей болью, а потом вдруг ледяной немотой.

Темнота вокруг всколыхнулась и начала таять. Сквозь серую пелену проступили очертания комнаты. Двух склонившихся над Василием фигур. На ладони той, что была повыше, увядали сияющие лепестки огня. Едва пламя угасло, по ладони пробежало пролитой ртутью сияние. Оно ширилось, росло, опутывало стоявшего над Василием человека, пока не охватило целиком. Тот наклонился, и Киприянов узнал лицо графа.

Василий попытался разлепить губы, но сквозь них смог выйти лишь стон.

Брюс предостерегающе поднял руку.

– Тише, Василий Онуфриевич, – молвил граф и положил холодную ладонь на горячий лоб Киприянова. – Я тотчас сам посмотрю лики в вашей памяти.

В голове Василия прокатился громовой раскат и молнией пронеслись картины этой ночи. Упрямый Мирон, неподъемный мешок, скользкая и смерзшаяся земля под ногами.

Нож, входящий алой болью в живот. Сияние голубых глаз душегуба. Стон разбитого хрустала.

Василий закричал. Рядом появилось любопытное лицо апонца.

Граф отнял ладонь ото лба Киприянова. Боль разом исчезла. Василий затравленно огляделся, хапая большими глотками стылый воздух палат.

– С возвращением, – протянул руку Иаков Вилимович и устало улыбнулся.

Киприянов ухватился за его ладонь и тяжело встал на ноги.

– Должен признать, – граф разглядывал вымаранные кровью пальцы, – Денбей едва не опоздал. Еще малая проволочка – и я бы не смог вытащить вас из Сумрака. Машенька! – громко крикнул Брюс.

Тут же за дверью раздался топот и лязг. В палаты вошла служанка. В руке «Яшкина баба» держала канделябр на три свечи. Их свет нервно плясал на ее коже из начищенной до блеска красной меди.

– Принеси рушник да таз с теплой водой, – скомандовал граф и повернулся к Киприянову. Василий изумленно разглядывал свой живот сквозь прореху в штофном камзоле. Металлическая кукла молча вышла. – Все не можете поверить? – вновь улыбнулся граф. Глубокая борозда меж его бровей разгладилась. – А ведь правду люди сказывают! Колдун я. И Гавриил тоже. – В глазах Брюса вспыхнули лукавые искорки. – Да и ты теперь колдун.

Потрясенный Василий молчал.

Граф коротко кивнул слуге. Апонец ловко подхватил со стола подсвечник с полупудовой свечой и встал Василию за спину.

– Прошу вас, Василий Онуфриевич. – Брюс щелкнул пальцами. Воск за спиной Василия отчаянно затрещал. Пламя вспыхнуло и высветило лицо графа из полутьмы комнаты. – Только ничего не пугайтесь!

Василий облизнул пересохшие губы.

– Вы видите? – Палец графа ткнул куда-то под ноги Киприянову. Рубин на печатке сверкнул алым.

Василий опустил взор и увидел свою тень на каменном полу. Она клубилась серой дымкой.

– Видите? – глухо повторил Брюс.

Василий кивнул.

– Ступайте! – приказал граф. – Наступите на свою тень, господин Киприянов! Сделайте шаг!

Василий повиновался и вновь очутился в сером мареве. На этот раз все виделось четче, лишь потеряло цвет, да пропал, смазался треск горящей свечи. Голос же графа звучал четко и ясно:

– Нас много, Василий Онуфриевич. – По фигуре Брюса пробегали золотистые всполохи. Яркое желтое свечение сетью покрывало все его тело. – Но мы не все похожи. Есть такие, как Гавриил, – на лице графа проступила лукавая улыбка. – Покажи ему!

Василию почудилось, что серая пустота позади всколыхнулась.

– Обернитесь, – мягко сказал Брюс.

Сил противиться у Василия не было. Он медленно оглянулся и едва смог сдержать крик: позади, держа в покрытых черной щетиной лапах тяжелый подсвечник, стоял гигантский паук.

– Он перевертыш. Там, где он родился, его племя зовут «цутигумо». Слабые маги, но великие воины.

Чудище щелкнуло жвалами. Василий поспешил отвернуться.

– А есть такие, как мы, – продолжал граф, улыбаясь. Ошарашенная рожа Василия его, должно быть, зело веселила. Брюс развел в стороны руки, золотая сеть вспыхнула ярче. – Те, кого Господь наградил не только даром Иного, но и даром озарения. Те, кому позволено ведать тайноведение Вселенной!

Киприянов устался на свои руки. Сквозь кожу начала проступать бледным золотом похожая сетка.

Откуда-то издалека донеслись тяжелые шаги. В комнату вернулась медная кукла. Служанка несла в руках таз с парящей водой. «Яшкина баба» подошла к графу и замерла.

– Этой ночью я обратил вас, Василий Онуфриевич. – Брюс окунул ладони в таз и принялся с усердием оттирать пальцы. – Вы умерли для этого мира и родились для мира иного.

Граф придирчиво осмотрел кончики ногтей и сдернул с шеи служанки свежий рушник.

– Досадно, что это свершилось при столь скорбных обстоятельствах. Будь моя воля, я бы сделал это, когда вы набрались бы сил. – Брюс приблизился к Василию. – Теперь же вам вряд ли стать сильным магом, но мне нужна любая помощь.

Слова Брюса не умещались в голове. Мир словно перевернулся.

– Скажите, Василий Онуфриевич, – граф кивнул на служанку, – что вы видите?

Василий не видел ничего нового. Механическая кукла в длинной шляфореке и мятом чепце держала таз.

Киприянов покачал головой.

– Вы еще очень слабы, – протянул граф. – Откройтесь! Пусть башня напитает вас силой! Сегодня вы щедро полили ее гранит своей кровью!

Теплая волна ударила Василию в пятки, и он увидел, как истончается на кукле одежда, как исчезает ее медная кожа и под ней появляются шестеренки и тяги. Они крутятся и толкают друг друга.

– Видите? – зазвенел над самым ухом голос графа.

А в самой глубине металлического нутра бежал внутри центральной шестерни маленький, в четверть аршина, человечек. Кожа его светилась изумрудной зеленью.

– Это демон? – глухо проронил Василий.

Брюс расхохотался и довольно хлопнул в ладоши.

– Это гомункул. – Он схватил за плечи Василия и победно заявил: – И то, что вы его видите, Василий Онуфриевич, означает только одно. Вы годитесь мне в ученики!

* * *

*1 мая 1735 г.,
Москва, Российская империя*

Ларец принес Гавриил. Ему не нужно было ничего говорить. Прошлой ночью Василий проснулся от щемящей боли в груди и понял – граф перестал существовать. Связь между учителем и учеником будто кто-то перерезал.

Сердечно распроставшись с цутигумо, Василий отнес ларец в свою каморку под самой крышей Сухаревой башни. Там он сломал на ларце охранное заклятие.

Внутри стопкой лежали сложенные пополам бумаги. Под ними схоронился конверт, запечатанный красным сургучом. На оттиске Василий разглядел графский герб. В углу в маленькой коробочке лежали часы из белого капа. Столько энергии, сколько было в этом предмете, Василий не видел еще ни в одном артефакте, коих в коллекции учителя хранилось неимоверное множество.

Киприянов развернул первый листок.

«Дорогой мой Василий Онуфриевич! – различил он ровный почерк графа. – Должно быть, ты уже знаешь, что меня более нет. Я принял заслуженную кару и сброшен навеки в Сумрак. Но поступить иначе было бы поперек моих правил. Ты часто допытывался у меня, отчего мы никак не выпустим шестой лист нашего Календаря. Прочти его, и ты разом поймешь меня и простишь».

Василий дрожащими пальцами развернул вторую бумагу. Беглый взгляд ухватил заголовок: «Предзнаменование времени на едино лето, тако и на прочие годы непременно звезд, падающих на небесную твердь и ея способную сокрушить».

Первой датой было пятнадцатое число прошедшего апреля. Кроме даты, ничего более не значилось. Следующая дата уже имела приписку с широтой и долготой места. По коже Василия словно пробежали искры: эти минуты и секунды были ему знакомы.

Продолжая не верить глазам, он вернулся к письму:

«Ученик мой! В этот раз я отвел от нашей державы великую беду. Заклинаю тебя – избавь ее от несчастий в следующий. Сохрани в память о нашем государе его славную столицу, пусть даже тебе придется отдать за это плату большую, чем отдал я».

Осознание происходящего лавиной наваливалось на Василия. Местом следующего падения небесного камня был Санкт-Петербург.

«Заклинаю тебя, прояви все усердие, на которое ты способен! Надеюсь, ты справишься. Благо времени у тебя еще предостаточно».

Василий глянул на страницу Календаря. До беды оставалось еще сто семьдесят три года.

«Благословляю тебя на это праведное дело, Василий Онуфриевич, и прощай. Иаков Брюс, – прочитал Киприянов внизу страницы. – Посылаю тебе мой последний гостинец и письмо. Снеси его моему другу – профессору анатомии и ботаники в Базеле Даниилу Бернулли, и верь его советам, как моим».

Следующим утром Василий Онуфриевич Киприянов накинуд на себя первую в жизни личину и выехал в Швейцарию.

* * *

Октябрь 1735 г.,

Большой Базель, Швейцария

Ветер гнал стылый воздух с Рейна на левый берег. Василий закончил свой рассказ, и теперь в комнате слышался лишь гуляющий по коридам замка сквозняк.

Даниил Бернулли молчал. Подслеповато шурясь, он изучал сквозь увеличительное стекло письмо покойного графа.

– Примите мои искренние соболезнования, господин Киприянов, – пожевал губами швейцарец.

– Боюсь, они мне не помогут, профессор, – устало улыбнулся Василий.

– М-да, я понимаю, – протянул Бернулли. Письмо Брюса все еще стояло у него перед глазами. Среди прочего старинный друг просил приглядеть за своим последним учеником. – Давайте поступим вот как, – вдруг встрепенулся Бернулли. – С завтрашнего утра вы становитесь послушником Лиги патентных стряпчих и поступаете на обучение в наш университет. А что касается вашего главного вопроса – мне потребуется консультация, – задумчиво добавил швейцарец.

На следующий день Бернулли исчез. К исходу третьей недели Василий выпытал у однокашников, что профессор уехал в Персию к звездочетам.

Октябрь подходил к концу. Природа готовилась к зимней спячке. Тени становились длиннее, а ночи все больше пахли речной сыростью.

В одну из таких ночей в келье Василия появился Бернулли.

– Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн Сина шлет привет и скорбит о твоей утрате, – слегка поклонился Бернулли и поморщился. Со стороны это выглядело глупо, но традиции в Лиге чтили. – А еще он рассказал мне о будущем.

Василий поднялся с узкой лавки и закутался в лоскутное одеяло.

– Ты уже слышал о Последнем Ищущем?

Киприянов кивнул. Легенду о проклятии и пророчестве рассказывали послушникам на первом же занятии. В давние времена, почти сразу после заключения Договора, безумный маг проклял первых алхимиков и ученых за их богомерзкую работу. И предрек он, что появится среди Иных величайший ученый муж – Последний Ищущий. И постигнет он глубину Сумрака и раздаст сие знание каждому человеку. И мир изменится навсегда.

Легенда легендой, но с тех пор раз за разом становились небесные светила, предрекая рождение Последнего. Раз за разом маги из Лиги находили ребенка и брали под патронаж, отводя беду. Потом наступали годы спокойствия, и небо вновь подавало знак – родится губитель Сумрака.

– Ибн Сина сказал, – трудно начал Бернулли, – что до рождения Ищущего остался сто двадцать один год.

Василий не понимал, к чему клонит профессор.

– Так вот. Этот мальчонка и есть ваш единственный шанс, господин Киприянов, – выпалил разом швейцарец. – Если не инициировать его достаточно долго, окрепший гений этого Ищущего поможет вам исполнить волю покойного учителя.

– А как же проклятие? – вскинул бровь Василий.

Бернулли пожал плечами.

– Это еще не все. – Профессор поджал губы. – Мы просмотрели вероятности. Весьма возможно, что мальчик погибнет в возрасте пяти лет.

– Известно, кто он? – закусил губу Киприянов.

– Только имя, – тряхнул париком Бернулли. – Никола.

Василий нехорошо улыбнулся.

– Вы назовете мне место и время, профессор?

Щеки Бернулли вспыхнули.

– По окончании обучения вы принесете клятву, господин Киприянов!

Василий нахмурился и гневно зыркнул на швейцарца.

– Каждый волен сам принимать решения, разве нет? Вы назовете мне место и время?

Даниил Бернулли ссутулился.

– Ради памяти Джеймса, я вам этого не говорил, – шепотом произнес он.

И рассказал Василию все.

* * *

20 августа 1861 г.,

с. Смилян, Австрийская империя

Дорога круто выворачивала из-за покрытого ельником кряжа и петлей спускалась вниз. В лихом ее изгибе на остывшем за ночь валуне сидел Контролер Лиги патентных стряпчих в Российской империи Василий Киприянов. Он ждал нужного времени.

Справа медленно поднималось красное балканское солнце. Василий в задумчивости крутил деревянный барабан «Кольта Патерсона». Лучи рассвета играли на медном стволе револьвера.

В тысяча восемьсот тридцать пятом судьба свела Василия с матросом по имени Сэмми. Бриг «Корво» резал ласковые воды Атлантики, а на его носу, примостившись меж бочек с земляным маслом, молодой паренек строгал ножиком деревянный цилиндр.

Аура матроса поблескивала золотыми трещинами.

– А для чего тебе оружие, сынок? – Голос Василия поднимался из прошлого. – Раз есть у тебя талант, выдумай чего полезного!

Парень от души рассмеялся.

– Вы плохо знаете те места, откуда я родом, сэр! Там нет ничего полезнее револьвера!

Они проговорили тогда всю ночь, а к утру Сэмми Кольт признался:

– Бог создал людей, сэр ученый. Я просто хочу сделать их равными.

«Вот коли за государство свое радеешь, за царя, за народ свой – так ты и будешь Светлый маг, – колоколом зазвучал в голове Василия голос учителя. – А если токмо ради наживы – Темный колдун. Вот и вся разница...»

Перед тем как сойти в Джерси-Сити, они распрощались. Василий посоветовал Кольту бросить морскую карьеру и открыть патентное бюро. Сэм вручил на память прототип своего револьвера. Ценность подарка Василий, так и не поднявшийся в магии выше первой ступени, ощутил на своей шкуре много позже. Нетраченных патронов в деревянном барабане оставалось всего три.

Василий стряхнул воспоминания и вынул из кармана жилета каповые часы. Провел пальцем по гравировке.

– Его всегда не хватает, – горько усмехнулся Киприянов. Учитель, как всегда, был прав.

Деревянная луковица распахнулась. Тоненькая стрелка наматывала секунды по циферблату. Миг близился.

Василий поднялся с камня. Встал посреди дороги и приготовился.

Раздался далекий топот копыт. Из-за горы показался клуб пыли. Василий опустил на переносицу очки Фарадея и навел резкость.

В клубах мелкого каменного крошева на Киприянова неслись черные кони. В его седле едва держались два чернявых мальчика.

Василий облизнул враз пересохшие губы. Старший мальчонка был неприятным сюрпризом. Конь мчал, не видя дороги. С морды летела пена.

Дрожащими пальцами Василий подвинул на очках нужную линзу. На втором слое Сумрака за животным гнался седой громадой волк.

Конь вылетел к повороту и вскинулся перед Киприяновым на дыбы. Копыта заколотили по воздуху.

Василий почувствовал, что до краев напился силой часов, и нажал на деревянную кнопочку рядом с заводной головкой. И мир вокруг замер. Ровно на две с половиной минуты.

Застыл базальтовым памятником конь. Повисли в воздухе вылетевшие из седла мальчишки. Вытянулся в прыжке волк, целящийся зубами в круп добычи. Протянулась меж его желтых клыков паутина слюны.

Первое, что сделал Василий в замершем мире, – взвел курок револьвера. Деревянный барабан повернулся. Грохнул боек, и пуля, оставляя в сумраке светящийся след, ударила в пасть оборотня. Колдун вспыхнул и истлел черным пеплом.

Василий в три прыжка оказался подле коня. Протянул руки к мальчикам.

– А что, вы считаете, тут происходит, господин Киприянов? – раздалось вдруг за его спиной. – На мой взгляд, нечто никак не подходящее ни вашему уровню, ни полномочиям.

Василий обернулся.

– Морган, – улыбнулся высокий мужчина в черной тройке и при трости. – Генри Морган. Маг высшей ступени. Темный. – Голубые глаза его насмешливо шурились. На ауре вспыхнула печать Лиги. – Контролер от штата Пенсильвания.

Василий посильнее сжал рукоять револьвера.

– А вот этого не нужно, – покачал головой Морган. Кончик трости дернулся в сторону повисшего в воздухе пепла. – Вы и так уже изрядно погорячились!

В голове Василия сухо щелкали секунды убегającego времени.

– Что вы хотите?

Морган коротко хохотнул.

– С вами приятно иметь дело, мой друг! – Темный маг неспешной походкой приблизился. – Я предлагаю, конечно же, сделку! Исключительно в дань памяти вашего покойного учителя. – Кончики губ американца на мгновение дрогнули. – Я знаю о вашей священной миссии по спасению столицы. И раз уж вы решились спасти мальчишку, я предлагаю следующее. – Морган будто специально тянул время. – Я патронирую Николу. Поверьте, под нашим контролем ему некогда будет заниматься глупостями навроде изучения Сумрака. Вы же, в свою очередь, оставляете за собой право на разовое вмешательство для спасения города.

Василий слушал очень внимательно. За голосом Моргана отчаянно колотился в капюшонах деревянный маятник.

– Не безвозмездно, конечно, – продолжал Темный. – Мы тоже попросим у вас о некоторых... – Морган пощелкал пальцами, вспоминая нужное слово. – Как это у вас, у русских? О некоторых привилегиях.

– И когда вы заявите о намерениях? – глухо произнес Василий.

– Как только их сформулируем, – улыбнулся Морган и протянул руку. На его ладони расцвели черные лепестки. – Призываю в свидетели Тьму!

Киприянов стиснул зубы. Сунул револьвер в кобуру. На ладони его вспыхнул белый огонь.

– Призываю в свидетели Свет! – процедил Василий и скрепил сделку рукопожатием.

– Вот и чудно. – Морган напоследок окинул взглядом горный восход. – Увидимся, – отсалютовал он двумя пальцами и истаял.

Василий метнулся к замершему на дыбах животному. Ухватил младшего парнишку за руку и притянул к себе. Бережно опустил наземь.

Прежде чем истекли две с половиной минуты, мальчик коротко всхлипнул и прохныкал:

– Да-не!

* * *

29 июня 1908 г.,

Лонг-Айленд, САСШ

Темный маг поднялся с кресла и подошел к Василию.

– Вы готовы расплатиться по счету, господин Киприянов? – Морган заложил большие пальцы в кармашки жилета.

Василий почувствовал себя кроликом, застигнутым врасплох питоном. Ему стало трудно дышать.

– Так чего вам угодно? – Он ослабил узел самовяза и расстегнул душащий ворот рубахи.

– В случае если ваша идея сработает, – Морган выдержал паузу, – мы возьмем под патронаж нового Последнего Ищущего.

На сомнения времени не оставалось.

– И вы уже знаете, кто он? – только спросил Василий. Глухо и бесцветно.

– Парнишку зовут Альберт, – протянул руку Морган. Его синие глаза насмешливо светились.

Рукопожатие скрепило сделку.

– Зачем он вам? – успел спросить Василий, прежде чем мир вновь задышал. – Он же теоретик!

На этот раз Морган улыбаться не стал.

– Мы живем в смутные времена, господин Киприянов. Еще неизвестно, что в ближайшее время наберет цену.

Воздух лаборатории вновь наполнился тихим жужжанием.

– Три! – продолжил Василий.

Тесла медленно потянул рубильник на себя.

– Два! – считал Киприянов, глядя сквозь оконное стекло на вышку. Ажурная мачта венчалась тарелкой, напоминавшей не то шляпку гриба, не то тот злополучный кусок хрусталя хитрой огранки. По собранному из стальных стержней конусу начали пробегать сиреневые всполохи.

Тесла прошептал что-то на сербском.

– Один! – выдохнул Киприянов.

Сто миллионов вольт сорвались фиолетовой вспышкой с излучателя башни и устремились в наднебесную высь. Чтобы превратить в космическую пыль летящий на город Петра метеорит.

Василий Онуфриевич Киприянов закрыл глаза.

Где-то на высоте в десятки тысяч километров свершилась история. Луч смерти, что создал спасенный когда-то мальчишка, сделал свое дело. Остаточный импульс сменил от удара угол атаки, вошел в атмосферу и понесся над Сибирью с юго-востока на северо-запад.

* * *

30 июня 1908 г.,

Подкаменная Тунгуска, Российская империя

Над Южным болотом близ реки Подкаменной Тунгуски взошло новое солнце. Огненный смерч раскидал вековые деревья. Небо затянуло аспидными тучами.

Грохнуло, и из расколотых небес хлынул на опаленную землю черный проливной дождь.

Николай Желунов. Неофициальное разсл#дование

– Доброго дня, Василий Яковлевич.

– И вам того же, милейший Аполлон Петрович. Как почивали-с?

С первого взгляда было ясно, что и Ночному, и Дневному Дозору здесь нечего делить, а встреча эта – пустая формальность, оттого оба эмиссара источали слегка фальшивое благодушие. Солнечное июльское утро вливалось в залу сквозь тяжелые пыльные шторы, и Василий Яковлевич, мурлыкая у окна, поглаживал рыжий ус – в то время как Аполлон Петрович держался в тени.

Принесли кофий.

– У нас к Ночному Дозору претензий нет, – Аполлон Петрович с достоинством поклонился – в полумраке качнулось лицо, похожее на бледную маску, – конечно, только по этому делу. Предлагаю зафиксировать сей факт в протоколе и разбежаться.

– Совершенно с вами согласен, граф. Всего пару вопросов задам вашему свидетелю – и побегим.

Откуда-то из глубин прокуренной комнаты выступил в полосу света свидетель – тонколицый и долговязый Темный с обличем заспанного денди. На его шелковой рубашке расплылись бурые пятна подсохшей крови.

– Что произошло, голубчик? – спросил Василий Яковлевич, прихлебывая кофий. – Только покороче, у нас у всех мало времени.

– *Parole d'honneur*¹, господа, – пожал тот острыми плечами, – потешная история, совершенная дичь. Тут чистый криминал, а я лишь случайная жертва. Девка перебрала марафету, и вот вам закономерный итог.

– Ваше имя?

– Адам Левинский, Темный.

– Что делаете в Петербурге-с?

– Сопровождаю своего компаньона, швейцарского гражданина Коха. Мы путешествуем по Европе для своего удовольствия.

– Кох – тоже Темный?

– Он, пардон, обыкновенный человек. Но сказочно богат – а я питаю слабость к блеску золота. Грешен.

Василий Яковлевич поставил чашку на подоконник (нежно звякнул фарфоровый венчик) и шагнул к столу, стараясь не испачкать в крови мыски лакированных туфель. На столе в месиве битого стекла тускло блестел маленький дамский револьвер. В липкой луже шампанского плавали разбухшие окурки сигар и дамских папиросок «Шармь». Эмиссар Ночного Дозора взял из раскрытой шкатулки щепоть грязно-белого порошка, втянул ноздрями (ворохнулись рыжие усы) и с отвращением бросил обратно. Он обошел стол кругом. Здесь, на пропитанной вином медвежьей шкуре, обнаружились двое почти совершенно нагих молодых людей. Они казались бы спящими, если бы не полная неподвижность тел – и струйка засохшей крови на щеке одного из них.

– Хорошие у вас «удовольствия», – пробормотал Василий Яковлевич.

Он склонился над креслом, где сидела, откинувшись на спинку, девушка. Юное кукольное личико в белой пудре. Порочный рот. Мягкие льняные волосы. Глаза прикрыты веками – будто она просто спит.

Лиза, вспомнилось имя. Молоденькая дурочка, подумал Василий Яковлевич со вздохом. Мысленно потянулся к остывающему в солнечном мареве слепку ауры. Потускнев-

¹ Честное слово (*фр.*).

шим взглядом смотрел на выцветшие картинки, облетающие как сухие листья: голодная грязноволосая девчушка играет на дровяных пристанях Невы; вечно злая мачеха бранит ее за воровство; вшивый угол в подвале доходного дома; сальные взгляды пьяных друзей отца... Обычная история. Вчерашний вечер Лизы виделся смутно. Шампанское, водка, кокаин, все обыденно... Компания здесь собиралась лихая. Похоже, в этом доме на набережной Черной речки находится настоящий притон. Где она нашла пистолет? Ага, вот откуда он взялся – подарила одна из «коллег» по панели. Ты носила его с собой в сумочке на всякий случай, но никогда не пускала в ход. Даже если кто-то из клиентов бывал груб с тобой.

– Почему же она начала стрелять? – спросил он.

– Почему кусает бешеная собака? – усмехнулся Аполлон Петрович.

Эмиссару Ночного Дозора нечего было возразить. Да, это прегадкая история, но совершенно человеческая. В Темного мага угодили две пули из револьвера Лизы, но то были обычные пули, и они не причинили серьезного вреда. И Левинский имел полное право защищать себя, когда бросил в девицу заклятьем «мгновенной смерти».

– Ну-с... извольте протокольник.

Темные, конечно же, заранее изготовили бумагу, и Василий Яковлевич, пробежав ее глазами, взмахнул мизинцем. В левом нижнем углу проступила витиеватая роспись.

Уже стоя в дверях, он кинул на мертвую «работницу общественного темперамента» последний взгляд.

И замер на месте.

В прозрачной, почти угасшей ауре дрожала едва видимая тонкая оранжевая полоска.

– А ведь девочка была потенциальной Иной, – сказал Василий Яковлевич, – не инициированной.

Темные маги переглянулись. Если они и знали что-то – сейчас разыграли удивление.

– Ну и что же, – развел руками граф, – Иной ей уже не стать. При чем тут Дозоры?

* * *

Спустя три часа Василий Яковлевич Макаров, коллежский советник и начальник сыскного отдела столичного Ночного Дозора, нервно расхаживал по своему кабинету. В раскрытое окно долетал шум недалекого Невского, пахло нагретым смолистым деревом и печным дымком. На столе для собраний лежал свежайший полуденный «Вестникъ» с огромным заголовком «Австро-Венгрия объявляет войну Сербии! Нота протеста России!». Однако Макаров давно предвидел начало войны на Балканах – и в данный момент беспокойство у него вызывало другое. Час назад Темный маг Адам Левинский спешно покинул Санкт-Петербург. Приставленный к нему соглядатаем мальчишка Савка потерял след за Нарвской заставой.

Что заставило Левинского бежать?

По брусчатке у парадного прогрохотали копыта, и слышно было, как кучер осаживает лошадей. Василий Яковлевич подошел к окну. Он видел, как сквозь зелень тополиных листьев мелькает белое платье и белый же кружевной зонт от солнца; он слышал приветственное урчание швейцара – и ответ, произнесенный самым нежным и прекрасным голосом, какой Макаров знал. Скрипнула дверь с золоченой гербовой табличкой «Санкт-Петербургское Императорское общество народного просвещения», и на лестнице зашелетели легкие шаги.

Спохватившись, Макаров сделал каменное лицо.

– Василий Яковлевич, к вам... – начал из-за двери лакей.

– Впусти, Мирон. Давно жду.

Арина скользнула в комнату, легкая и белая, словно чайка. Она метнула измятые перчатки на стол для собраний, порывисто бросилась к Макарову.

– Вася...

– Княжна, вы забываетесь.

– Ах, полно тебе... Конспиратор мой! Но послушай, что я расскажу. Это же мерзавцы, совершеннейшие мерзавцы и подлейшие люди. Притон, нелегальный притон! Молодые женщины у них на положении восточных невольниц. Наркотики, венерические болезни, издевательства – и это в европейской столице, в наши дни...

Василий Яковлевич покачал головой.

– Арина, я прекрасно понимаю тебя. Но мы ведь не полиция. У нас несколько иные задачи-с.

Он сделал акцент на слове «иные».

Княжна отступила на шаг. Прелестные черты ее лица заострились, на щеках вспыхнул румянец.

– И ты оставишь все как есть? Вот так? Такой ты, оказывается?

Макаров откровенно любовался девушкой. Княжне Ухтомской едва исполнилось двадцать, ее инициировали три года назад – и она все еще оставалась пылким и эмоциональным новичком. Короткий роман, что приключился между ними прошлым летом, белыми служебными ночами, по обоюдному согласию решили забыть. Забыть и сделать вид, что ничего не было.

– Я уже сообщил куда нужно о притоне на Черной речке, – устало выдохнул он, закручивая пальцами рыжий ус, – притон прикроют. Но рубить головы, аки опричное войско, мы не в праве. Расскажи лучше, что следствие?

Арине удалось взять себя в руки и начать рассказ. Итак – невидимая для людских глаз, она оставалась в прокуренной темной зале, пока сыскная полиция вела допрос. Сыщики собрали троих оставшихся в живых мужчин и четырех девушек с «желтыми билетами»; впрочем, последние не представляли для следствия интереса, и их вскоре отпустили. Зато мужчины оказались как на подбор.

– Барон Федор Кройф, тридцать девять лет, эгоист, циник и сексуальный маньяк, – звенящим от возмущения голосом рассказывала Арина, – заканчивает дело своей жизни – прожигание родительского имения под Либавой. Второй персонаж – кавалерийский полковник Михаил Костоглотов. Пятьдесят пять лет, женат третьим браком, четверо детей и один внук. В клубах и публичных домах проводит пять вечеров в неделю. Наконец, еще один свидетель – швейцарец Бастиан Кох. Сорок четыре года, богатый бездельник из Цюриха, профессиональный карточный шулер...

– И они все рассказали одну и ту же историю, – прервал Макаров, – да, собрались на партейку-другую в штосс, ставили на кон сущие копейки, знать друг друга не знают – и не понимают, отчего девушка Лиза вдруг начала пальбу-с.

– Ну? – нервно спросила в ответ Арина.

– Я прав?

– Разумеется, прав. Что дальше?

– Вот и я думаю – что дальше. А дальше, девочка моя, вот что. – Он покачал головой. – Очень скоро – со дня на день – начнется большая война, и эту историю все забудут. Скажика, среди этих трех свидетелей были неиницированные Иные?

Арина медленно покачала головой.

– Нет. Точно нет. Почему ты спрашиваешь?

– Так. Сам еще не знаю.

Он вспомнил бледные увядшие образы из памяти Лизы – пьяные лица, карты в брызгах вина, нервный смех... шорох купюр... затем – вспышка ужаса и в полумраке язычок порохового огня из ствола. На нее напали? С какой целью? Мотивы? Все в тумане. Нет, здесь так просто не нащупать ответ на вопрос – что произошло. И нужно ли вмешиваться

в дела людей? Через несколько дней начнется величайшая человеческая бойня, и все силы и помыслы Иных будут заняты там, на фронтах, на морях, в стонущем от гула аэропланов воздухе.

– Закрываем дело, – сказал он хмуро.

– Но, Васенька...

– Закрываем! Погибших не вернуть. Убийца бежал. И оставим человеческие дела людям.

* * *

28 июля 1914 года австрийский престол официально объявил войну Сербии, но к этому дню вся Европа уже напоминала растревоженный военный лагерь. Спустя два дня, 30 июля, русский царь начал всеобщую мобилизацию – и невиданная в истории многомиллионная сила начала сжиматься в кулак над западной границей; навстречу ей наливался тевтонской мощью кулак врага. Нужно ли говорить, что эти грозные явления были лишь слабым отражением той вечной игры, что вели между собой Темные и Светлые силы, называемые иначе Дозорами? Особняк петербургского «Общества народного просвещения» на Стремянной улице опустел – все, кого удалось собрать, находились сейчас на Балканах, пытались остановить или хотя бы смягчить надвигающуюся катастрофу. В коридорах, где еще вчера слышались треск «ундервудов», скрип телеграфных лент, тревожная многоголосица, стало тихо и темно, лишь пыхтел в дворницкой самовар, да старый слуга Мирон (оборотень из Псковской губернии, привезенный в столицу еще начальником Канцелярии тайных розыскных дел графом Александром Шуваловым в 1769 году) кряхтел в приемной, рассказывая за чаем дежурному о Ливонской войне:

– Били немца и саблей, и рогатиной, нешто пушками да еропланами не забором?

Жарким и душным вечером 31 июля Арина поймала Василия Яковлевича у его дома смертельно уставшим после долгого дня (он замещал многих товарищей на время их пребывания в Европе).

– Вася, у нас беда.

– Идем в дом. Там все расскажешь.

Слуг у Макарова не было. Он происходил из старообрядческой крестьянской семьи – и привык все дела по дому делать сам. Василий Яковлевич усадил княжну за стол в гостиной и спустился в подвал, где на леднике хранился кувшин с оранжадом.

– Я отправила Парамона и Андрея Дроздовых проследить за Бастианом Кохом.

– Кох? Свидетель убийства на Черной речке?

– Да.

– Ариша, я же просил тебя оставить это дело.

– Это неофициальное расследование, – губы девушки дрогнули, – я попросила их как товарищей. Впрочем, не важно. Сегодня они исчезли.

– Как исчезли? Куда? – нахмурился Макаров, потирая горячий лоб. Голова болела адски. Не хватало еще волнений из-за братьев Дроздовых.

– Нынче днем я ждала их с вестями, но не дождалась. Сейчас узнала – они не ночевали у себя на Шпалерной.

– А что другие свидетели – Кройф и этот, как его... Костоглотов?

– В тюрьме.

Ясно. Вряд ли эту троицу всерьез подозревают в убийстве, но, похоже, кто-то решил преподать гулякам урок нравственного поведения. Макаров строго посмотрел на девушку, и та ответила ему твердым взглядом больших голубых глаз. Ну что ты с ней будешь делать?

– Отчего же Кох на свободе?

– К сожалению, отпустили. Ну, он же иностранец.

Пошатываясь от усталости, Василий Яковлевич подошел к телефону, звякнул трубкой о рычаг.

– Барышня, спецсвязь. Цюрих по срочному.

Ему несказанно повезло – абонента удалось застать дома.

– Александр Христофорович, добрый вечер, дорогой!.. Как ваши дела? Что вы говорите, все на Балканах?.. И вас, в ваши-то почтенные лета, оставили в городе на дежурстве?.. И не говорите, никакого пиетету... Боюсь представить, что не сегодня завтра может разразиться... Александр Христофорович, не могу долго говорить, дела-с... Помогите мне кое в чем, будьте любезны. На господина одного информация нужна срочно. Записывайте... Бастиан Кох, сорока четырех лет, игрок и пьяница, не Иной, проживает у вас в городе... Что за ним – пока не могу сказать. Просто проверяем, что он за гусь... Добро, добро... благодарствую заранее... Когда? Завтра? Хорошо, завтра днем телефонируйте мне на Стремянную, я весь день на службе. Всего наилучшего!

Он вернулся в гостиную, где его встретил тревожный взгляд голубых глаз. Девушка так и не притронулась к оранжаду – на холодном стекле стакана выступили бисеринки влаги.

– Арина, завтра я занят, но попробую кого-нибудь послать разобраться. А ты оставайся дома. Нынче слишком тревожное время. Помнишь, чему я тебя учил?

Она кивнула, не глядя на Макарова. К несчастью, единственное из высших заклятий, что ей удалось до сей поры освоить, – «засов». Запирает наглухо дом от любой сколь угодно мощной силы.

– Ежели кто-то попытается проникнуть к тебе, закрой дом наглухо «засовом» и звони сюда. Я помогу тебе.

– Ну, Васенька, кто захочет ко мне проникнуть? Кому я понадобилась?

– Надеюсь, что никому. Однако прошу тебя пока ни во что не впутываться и сидеть дома.

* * *

Бастиан Кох не походил на шулера и проходимца. Больше всего, подумала Арина, он похож на учителя престижной гимназии. Розовое сытое лицо, водянистые глазки-горошины, серебряное пенсне на цепочке, хороший шерстяной костюм в крупную клетку – Кох своим видом рождает у наблюдателя ощущение основательности и покоя.

Ты тратишь время зря, сказал Арине внутренний голос, очень похожий на голос Василия Яковлевича.

Кох допил кофий, бросил на столик четвертак и вышел из ресторана. Арина шагала следом, держась на расстоянии.

Он шел неторопливо, вразвалочку, помахивая крепкой тростью из черного дерева. Остановился у аптеки, с минуту разглядывал афишки на витрине («Кривые и уродливые носы могут быть исправляемы и улучшаемы ТАЙНО У СЕБЯ ДОМА. Машинка для выпрямления носовъ 5 руб.»; «Борьба с пьянствомъ. Секретное средство противъ запоевъ «Алкола». Без вкуса, цвета и запаха!»), затем медленно двинулся по Невскому в сторону Аничкова моста. На проспекте, полностью перекрыв движение экипажей, бурлила и гудела толпа. В водовороте черных картузов, сдвинутых набекрень котелков и кисейных девичьих шляпок мелькнули и сразу исчезли прочь: наэлектризованные усы городского, чья-то шербатая смеющаяся рожа с золотыми зубами, черно-янтарная хоругвь с печальным ликом. «Германского посла громят, господин хороший! Все ковры и статуи пожгли, ей-богу!» – радостно прокукарекал Коху мальчишка-оборванец и поскакал со своей новостью дальше.

Швейцарец свернул на набережную Фонтанки и не спеша побрел вдоль каменного бортика над черной водой. Здесь было заметно тише и малолюдней. Арина не отставала. Она соскользнула в Сумрак, и возбужденный галдеж толпы за спиной превратился в далекое неясное бормотание. Темная округлая фигура в сотне шагов впереди наклонилась над водой.

Что он делает?

Кох перегнулся через бортík набережной и плевал в волны. По спокойному холодному лицу речки поплыли круги: один, другой... Ощущение тоскливой усталости вдруг сжало сердце девушки. Она смотрела на серую, лишенную всяких красок ауру этого человека, и ей хотелось сесть на горячие булыжники мостовой и разрыдаться. Все в Ночном Дозоре будут считать ее наивной дурочкой-эмансипе! Накричала на Макарова, подбила Дроздовых следить за этим никчемным типом (наверное, они тоже уехали в Европу и даже не сочли нужным отчитаться), теперь вот и сама заигралась в Пинкертон.

Арина, оставаясь в Сумраке, понуро побрела следом за Кохом. Тот, проворно представляя короткие ножки в клетчатых брючинах, свернул в прохладное ущелье Апраксина переулка – и шаром вплыл во двор дома. Здесь, в пыльной тишине, дремали на поленницах подвыпившие извозчики, равнодушные к апокалиптической дрожи, сотрясающей мир. Княжна прикрыла носик платком. Где-то вдалеке тревожно и часто гудел колокольный перезвон, а здесь, в душном мареве, покачивались желтушно-зеленые джунгли крапивы.

У дверей парадного Кох внезапно обернулся и посмотрел прямо на княжну. Сердце девушки остановилось. На секунду Арина поверила, что швейцарец видит ее. Он просто оглядывается, успокойся. Ты в Сумраке. Вернись лучше на Стремянную, в штаб, глупая. Не трать время зря. Кох обвел круглыми пустыми глазками двор и проскользнул в парадную. Поколебавшись, девушка последовала за ним.

В темноте колыхался густо разросшийся синий мох, похожий на океанские водоросли. В его гуще странным серым огоньком плыла унылая аура швейцарца. Что за отвратительное место, подумала Арина. Клоака. Она испытала еще один острый приступ желания убежать, но, как и все последние дни, перед ее мысленным взором появилось мертвое лицо несчастной Лизы – и юная княжна, сжав кулачки, шагала вперед сквозь мрак и холод. Я узнаю, за что тебя убили, шевельнулись губы. И кто-то ответит за это! Она внезапно поняла, что стоит в квартире посреди большой мрачной залы, и Бастиан Кох что-то делает в углу, склонившись над темной, неразличимой в полумраке грудой. В комнату едва проникал свет сквозь окошко под потолком. Святые угодники, что этот иностранный господин забыл в такой клетушке? Кох снова обернулся и пристальным взглядом будто пронзил Арину.

Он не может тебя видеть. Не может. Он даже не Иной – обычный господин заурядной наружности, пьяница и бабник...

Тебе ничего не угрожает. Он не видит и не слышит тебя – и ты всегда можешь развернуться и бежать прямо сквозь дверь.

Бежать!

Нервы Арины не выдержали, и девушка рванулась к выходу из квартиры.

Двери не было!

Гладкая серая стена преграждала дорогу.

Вот теперь княжне стало по-настоящему страшно.

Она заметалась, пытаясь скрыться в Сумраке, но там, в глубине, ворочалось что-то темное, непередаваемо жуткое. Арина захлебнулась криком – и в тот же миг стальная рука сжала ее запястье.

* * *

– По срочному Цюрих, – металлическим голосом сообщила барышня.

Дамочка будет подслушивать, почему-то подумал Василий Яковлевич с досадой. Хорошо бы сделать телефоны с автоматической связью – набираешь номер и вот ты уже говоришь с нужным тебе абонентом, без всяких барышень! Жаль, это только фантастические мечтания.

– Александр Христофорович, драгоценный друг, как поживаете-с? Да, слушаю внимательно. Что же этот Кох – прохвост и негодяй?

– Ваш Кох – серая личность, – просипел голос на швейцарском конце провода, – абсолютно серая, как ситный хлеб, – как вся их банкирская династия. Базиль, а я-то льстил себя надеждой, что вы меня развлечете каким-нибудь маньяком в моем унылом дежурстве в этом краю сыра и часов.

– Уж простите, чем богаты...

– Хорошо, это было немножко нашего швейцарского юмора. Вестимо, я рад, что человек не оказался законченным мерзавцем и людоедом – как это порой бывает в наших сыскных делах. Итак, Бастиан Кох действительно часто играет в казино, но это только hobby, как говорят англичане, – да и такой ли уж сие грех? У него приличное состояние, он совладелец банкирского дома «Шнайдер и Кох», в картотеку нашего Дозора никогда не попадал. Нежно любит жену и четверых отпрысков. Страстный охотник и рыбак.

– Это все? – Макаров почувствовал, как с плеч сползает гора.

– Простите, если не угодил, но – это все.

– Спасибо, Александр Христофорович, – рассмеялся Макаров, – вполне угодили. Вы не представляете насколько.

– Рад служить-с.

– Сделайте для меня только одну еще вещь.

– Какую?

– Мне не удалось поговорить с ним в Петербурге лично, его наблюдала наша юная и неопытная сотрудница... Поэтому, когда Кох вернется домой, прощупайте его, пожалуйста. Есть подозрение – моя незамутненная интуиция, только не смейтесь, – что он потенциальный Иной.

– Дражайший мой Базиль, тут я могу быть для вас единственным авторитетом. Кох – не Иной. Он обычный серый человек, серая личность, говорю же: серая – как ситный хлеб.

– Вы положительно в этом уверены?

– Да я лично говорил с ним полчаса назад прямо у него в конторе на Хоттингер Штрассе.

– Вы? Полчаса? Разве он сейчас в Цюрихе?

– В Цюрихе.

– Вы уверены?

– Это так же верно, что в Цюрихе я сам.

Макаров ударил всей ладонью по рычагу телефона.

– Барышня, дайте Введенскую, особняк Ухтомских, срочно.

Он искал напрасно. Арины дома не было с самого утра – и никто не знал, куда она направилась.

* * *

– Андрей, – тихо позвал Парамон Дроздов. – Андрейка, ну где ты там?

Его била крупная дрожь. Он ничего не понимал в творящемся вокруг. Только что они с братом Андреем наблюдали из окна трактира на Большой Пушкарской за толстеньким швейцарцем, и был жаркий июль и запах теплого пива; как вдруг – мгновенный холод, падение в темноту, и вот они оба стоят в своих суконных легких рубашках посреди ночной, покры-

той льдом улицы, в пустом и будто вымершем городе. И вроде бы это Питер, а вроде бы и нет – вдалеке упираются в лиловый живот неба высоченные, больше десяти этажей, дома – странные, похожие на коробки... а вот по обочинам улицы темнеют металлические экипажи на маленьких резиновых колесах.

Что же это все?

– Андрейка, да где же ты, черт...

В морозном воздухе слова вырывались из рта круглыми облачками пара.

Да, погано дело. В последний момент перед провалом Парамон понял, что толстый швейцарец, за которым их просила следить Арина, смотрит прямо на него, Парамона Дроздова, и руки его быстро плетут пассы. Кабы знать заранее, что он не просто человечешко лихой, а настоящий могучий кудесник.

Ну и что теперь делать-то, а?

Парамон попытался уйти в Сумрак – но внезапный перелет в это странное место высосал из него все силы. Его выжали словно губку!

– Андрей! – повысил он голос.

В то же мгновение исполинская тень отделилась от стены дома и надвинулась на Парамона. Он бросился бежать – но поскользнулся на льду и растянулся, пребольно ударившись носом о камень. Хлынула кровь.

– Тра-кткт-рракт-рракт, – просвиристела ночь над ухом, и Светлый дозорный почувствовал, как его подхватили могучие и не слишком ласковые лапы – и стремительно понесли через морозную влажную мглу. Горячая кровь текла по щеке, наполняла рот солоноватым вкусом. В разрывах туч показалось белое круглое лицо луны, искаженное ужасом, – и высоко над рекой засеребрилась источенная гигантскими червями башня. «Лахта-центр» – прочел над входом в нее Парамон и невольно отметил про себя нехватку твердого знака на конце слова. Что за наваждение?

С НОВЫМ, 2022 ГОДОМ! – издевательски поблескивала над воротами у башни присыпанная снегом надпись.

Что-то укололо его в шею, и Андрей оцепенел. Словно сквозь сон он наблюдал, как гигантское насекомое, похожее на муравья, привязывает его к металлическим прутьям лежака. В просторном помещении царил полумрак. Справа и слева, а также сверху и снизу тоже находились люди, привязанные к койкам. От их рук и ног тянулись прозрачные трубки, исчезали в подсеребренном луной мраке.

– Парамон, – услышал он тихий зов. – Парамонка...

Он с усилием повернул голову и увидел рядом с собой брата. В его бороде белели комья снега. Двое чудовищных насекомых раздели дозорного донага и теперь что-то делали с его ногами. Челюсти их ритмично шевелились, будто пережевывая пищу. В запавших черных глазах Андрея Парамон увидел спокойствие и отрешенность.

– Я пытался бороться, – прошептал тот, – нет резона. Я видел их мысли – они повсюду... Этот мир – теперь их, братка...

Силы оставили Парамона. Последнее, что он запомнил в своей жизни, – многочисленные отражения Луны в темных фасетчатых буркалах склонившегося над ним существа.

* * *

Зазвонил телефон.

Макаров вздрогнул в тревожной дреме и с трудом оторвал затылок от подушки. Морской бриз, играя, отдернул шторы, и за окном полыхнул лилейно-розовый клочок предрассветного неба. Который час? Макаров сел на кушетке, осоловело глядя вокруг и пытаясь понять – почему он находится не дома, а в своем кабинете на Стремянной.

На столе телефон заходил в лязге: под черным эбонитовым корпусом молоточек с силой прохаживался по металлическим зубцам.

Василий Яковлевич вскочил с кушетки и сразу же схватился за голову – виски пронзила острая боль. Господи, за какие прегрешения ты наградил нас этими испытаниями! Болезненная действительность вернулась рывком. Убийство в доходном доме на Черной речке, исчезновение троих дозорных, в том числе Арины, затем лже-Кох. Достойным завершением вчерашнего трудного дня стало явление запыхавшегося Савки. Мальчишка с криком ввалился в приемную, и даже строгий Мирон не сумел его удержать.

– Ты откуда, угорелый? – устало спросил Макаров.

Отдышавшись, Савка сообщил новость: по заданию княжны Ухтомской он обошел три кладбища на северной окраине Петербурга и обследовал посмертные слепки аур у всех недавно захороненных людей.

– И что? – Василий Яковлевич уже был на ногах.

– И то, батюшка, что барыня-то верно все сказывали...

– Ну?!

– Барыня сказывали, надобно шукать такие могилки, где лежат вроде бы наши... Иные... но такие, что Иными так и не стали... ух, страху с мертвяками натерпелся-то!

– Арина тебя научила, как их находить?

– А то! Ваше благородие, батюшка, водицы бы!

– Мирон, живо давай воды! Ну и что, Савка, что ты там нашел, не томи!

– Там они!

– Сколько?

– Девять душ. Все свеженькие...

Макаров нашарил в темноте чашку телефонного аппарата, снял, ожидая услышать надоевший голос девушки-оператора. Девять погибших неиницированных Иных, думал он, – все за последние две недели. Проститутка Лиза – десятая. Все, кроме Лизы, прошли в полицейских списках без криминала – как естественные смерти. Что дальше? Он не знал, что предпринять, не знал, чего ожидать дальше. В его распоряжении оставались только Мирон и Савка.

– Алло? Слушаю вас.

В эбонитовой чашке раздался странный долгий звук – словно по железу скребли огромными когтями.

– Алло! Говорите. Барышня?

– Вася, – тонко выдохнула тьма.

– Ариша? Ты где?!

В чашке-трубке зашелестело, потом зашуршало, словно кто-то разматал и тщательно изорвал рулон бумаги. Голос княжны прорывался сквозь помехи.

– Я у него. У него... прости, mon cher, я ослушалась тебя... Я такая дура... просто глупая курица...

Она говорила ровно, без эмоций, будто отрабатывая номер. Несмотря на жаркую ночь, Макаров весь покрылся ледяными каплями – голос его возлюбленной доносился словно с того света.

– Ариша, соберись. Где ты находишься? Я сейчас приеду за тобой!

– Я успела поставить «засов»... мы с ним заперты здесь... вдвоем... – На том конце провода снова засвистело, зажурчало и загуляло эхо. – Страшно... милый, мне очень страшно здесь...

Свист, бульканье, и вдруг – нарастающий гул. Ровный, лишенный красок голос. Волосы на затылке бедного Василия Яковлевича стали мокрыми и вздыбились, как сапожная щетка.

– Здесь так страшно... так страшно... так...

Обрыв. Секунда молчания – она показалась вечностью.

– Яааа, – пророкотал в чашке густой, невероятно низкий голос, и Макаров невольно отодвинулся от трубки, такой мрачной силой был он наполнен, – я должен уйти из города... Отмени ее заклинание... моя жизнь – в обмен на жизнь для твоей девчонки. Я жду... у тебя десять минут... адрес...

* * *

Копыта лошади высекали искры из мостовой.

Кем бы ни был этот Темный маг, мрачно думал Макаров, летя через утренний полумрак (а он не сомневался, что это Темный), ему не нужны свидетели. Проклятье, если бы у меня было хоть немного времени! Он не зря выбрал Петербург местом для своей страшной охоты – знал, что густонаселенный город сейчас почти беззащитен, и рассчитывал, что Ночному Дозору будет просто не до него. Да что там, вряд ли кто-то вообще мог обратить внимание на смерть неиницированных Иных – ведь Дозоры не занимались делами смертных. Каким-то магическим образом он научился находить людей с магическими способностями – и убивал, отнимая их. К его неудаче, несчастная Лиза почувствовала исходившую от его помощника Левинского смертельную опасность и выстрелила в него, а затем Арина преследовала самого Коха с редким упрямством. Но теперь он вряд ли захочет совершить еще одну ошибку и предать широкой огласке факт своего существования. Княжне еще очень повезло – она с перепугу использовала заклятье «засова», и, на счастье, этот мерзавец не знает, как его снять.

Василий Яковлевич оставил на столе в кабинете короткую записку о произошедшем – но отчего-то сомневался, что записка дождется возвращения его коллег из Европы, если он сам не переживет эту ночь.

Он на всем скаку вылетел к дому в Апраксином переулке – и лошадь под ним сдавленно заржала, вставая на дыбы: из подвальных окошек расплывалась по мостовой черная хмарь. В воздухе повис запах гнили.

* * *

– Я пришел. Отпусти ее.

В ответ тьма колыхнулась – но не рассеялась. Макаров и не рассчитывал на податливость.

– Отпусти девушку. Я сниму заклятье, и ты будешь свободен.

Он все глубже погружался в клубящуюся темноту. В Сумраке это выглядело как темный пульсирующий шар на глубине в несколько саженей под землей, опутанный плетями мрака. Василий Яковлевич почувствовал, как кто-то невидимый пытается прощупать его защиту, расшатать ее... но лишь крепче сжал белую булаву в ладони, спрятанной за спиной.

– Я выполнил уговор, я пришел. Покажись!

И тьма ответила – не словами, а мыслями-образами: Макаров видел смерть Лизы, смерть других несчастных, их растерзанные души, похожие на растоптанные цветы, – не родившиеся на свет младенцы, нераскрытые бутоны. Окровавленные тела, растянутые в беззвучном крике рты. Он пошатнулся, но не прекратил движения вперед. Черный шар колыхнулся, выплескивая ему навстречу волну смрада.

– Покажись!

Заклятье «засова» все еще действовало – и подвальное жилище Темного мага нельзя было покинуть, но и проникнуть туда тоже было нельзя. Он ждет от тебя инициативы и намеренно дразнит своим бездействием. Однако главное сейчас – спасти Арину.

– Я должен знать, что она еще жива. Покажи мне ее!

Девушка внезапно оказалась прямо перед ним. Опутанная темными плетями, бледная, как воск, она была, несомненно, жива – но лишена даже капли сил. Все верно. Темный и не рассчитывает отпустить ее. Для того он и лишил ее сил, чтобы после тебя заняться ею... даже если ему придется выпустить ее – она не сможет ни помочь тебе, ни попытаться сбежать. Никто не должен узнать правды...

Макаров протянул руку к лицу Арины и наткнулся на холодную стену – «засов» не пускал внутрь ничего.

Где-то вдалеке заухала тьма – это смеялся враг.

Василий Яковлевич понадеялся на свою быстроту – потому что в силе явно уступал противнику. Короткий шепоток – и заклинье «засова» свалилось. Мгновение – и он ударил в темноту белоснежной булавой, разрубая черные нити, оплетшие девушку.

И ему почти удалось!

Тьма вздрогнула, пронзенная ослепительной молнией боли.

Арина упала на руки Макарова, худая и тонкая – она выглядела так, будто не ела много дней. Черный шар лопнул. Опрометью Василий Яковлевич бросился прочь, унося легкую, как березка, девушку в одной руке и рассекая пути тьмы другой.

Но белое сияние булавы в его руке стало гаснуть.

Чернота вновь сгустилась над ним. Слишком силен был его враг, напитанный энергией своих многочисленных жертв.

– Да исчезнет тьма! – воскликнул Макаров, швыряя во мрак уже бесполезное оружие.

Он пробовал одно за другим боевые заклинья – но они все словно наталкивались на стену, рассыпались с жалобным звоном, и с каждым заклинанием сила его истаявала.

Некуда было бежать, некого позвать на помощь.

Старый дом расселся от могучего подземного удара, и над проломом заколебалась в утренней прохладе голова исполинской черной змеи.

– Вася, – закашлялась девушка, – прости меня... прости...

Макаров рванулся из последних сил – и рухнул на колени посреди мостовой. Черное дрожащее в воздухе кольцо окружило его, перекрыло путь к отступлению.

– Прости и ты меня, Арина... даст Бог, свидимся на том свете.

Он прильнул губами к холодным устам девушки – и в этот миг земля вздрогнула.

Удар. Еще один. Черная змея заскользила вниз, изломанная, словно изрубленная гигантской шашкой. Выпав из Сумрака, сквозь поднявшуюся над переулком пыльную завесу Арина и Василий Яковлевич наблюдали за новым сражением. Его сил хватало лишь на поддержание «щита» от летящих в их сторону обломков и языков пламени.

Когда все закончилось, Макаров осторожно выскользнул из объятий девушки и спустился в оставшуюся от дома воронку.

– Доброго дня, Василий Яковлевич, – услышал он знакомый насмешливый голос.

– И вам того же-с, Аполлон Петрович. – Макаров невольно закашлялся.

Среди руин и пепла лицо главы сыскающего отдела Дневного Дозора походило на бледную маску.

– Понимаю ваше изумление. Да, он ведь один из нас... но своими действиями он причинял вред и Темным. Неинициированный Иной с вероятностью в пятьдесят процентов становился бы нашим. И пусть деяния сии не влияли на равновесие сил – я решил прекратить его существование.

Макаров подавил внезапный порыв пожать Аполлону Петровичу руку. Он сдержанно кивнул, признавая за тем право вмешаться в драку и спасти ему жизнь, – только так и было достойно повести себя на его месте ночному дозорному.

* * *

Тело в клетчатом костюме покоилось на дне воронки. Казалось, неведомый могучий маг спит, лишь неестественно вывернутые руки и ноги наводили на мысль о том, что у обладателя клетчатого костюма есть какие-то проблемы.

– Он мертв, граф? – спросил Василий Яковлевич. Пошатываясь от усталости, он нагнулся над воронкой – и его Темный визави не успел (или не захотел, как не раз думал Макаров после) его остановить.

Последним конвульсивным движением лже-Кох выронил что-то на камни.

– Осторожней! – воскликнул граф, но поздно – темный паучок вспрыгнул на брючину Василию Яковлевичу, перепрыгнул на тыльную сторону ладони и в одно мгновение растаял на коже дозорного.

То было сложное, но не требующее большой силы заклятье, – напишет впоследствии Макаров в своем дневнике, – однако враг мой перед своим развоплощением сумел отомстить. У него уже не осталось сил для удара – но и у меня не осталось сил для защиты. Не сразу удалось мне отыскать это заклятье в старых книгах... Граф Шувалов называл его «отпущенный век» и утверждал, что только очень искусный маг может наложить такое заклятье – и только один раз в жизни.

Теперь я знаю все о своем будущем – и не могу изменить ничего. Сегодня, 4 октября 1914 года, я вступаю в ополчение. Через два месяца я буду на фронте. И погибну 7 июня 1916-го при штурме Луцка армией генерала Каледина.

Уезжаю на фронт, дабы не встречаться никогда более с Ариной. Она едва пришла в себя после потрясений прошлого лета, но когда узнала, что я поражен заклятьем «отпущенного века» и снять его не представляется возможным, – пришла в отчаянье. Что жить мне осталось менее двух лет – я утаил, пусть не терзается раньше времени.

У меня нет надежды, но имеется знание.

У меня есть эти отпущенные судьбой шестьсот двенадцать дней, и дай Бог мне прожить их честно и правильно.

Алекс де Клемешье. Санаторно-курортная монография

Представьте себе бревно.

Нет, не так: представьте себе гигантское бревно, настолько длинное и тяжелое, что для его перевозки требуется аж три грузовика. Оно надежно, крепко-накрепко зафиксировано, превращая три тягача в систему, вынужденно объединенную не только направлением и скоростью движения, но и вот этой временной, но очень жесткой сцепкой. Маневренность у подобной системы смешная; фактически она существует ради одной-единственной функции – доставить бревно по прямой из пункта А в пункт Б.

А теперь представьте, что один из грузовиков вышел из строя. Не суть важно, заклинило у него движок, кончился бензин, шофер заснул за рулем или приключилось еще что-то, – важно то, что нагрузка, предназначенная для трех тягачей, теперь равномерно распределилась на два оставшихся. Более того: не только бревно прикреплено к машинам, но и машины к бревну, и поэтому два тягача вынуждены будут тащить на себе и груз, и собрата, превратившегося в телегу, вагон, баржу – в общем, в такое же, по сути, бревно. Нагрузка на них возрастет многократно, и ничего удивительного, если рано или поздно встанет вопрос – не проще ли отцепить ко всем чертям? Бревно не отцепишь, бревно – это то, ради чего изначально создавалась система. Цель. Смысл. А вот вышедший из строя тягач – запросто.

Я не герой. Может, когда-то и метил в герои, но жизнь распорядилась иначе. Я – оперативник-работяга из тех, кто готовит операцию, создает все условия, анализирует данные, проводит опрос свидетелей, участвует в разработке тактической схемы, но последний, победный выстрел в итоге делают другие, «специально обученные» люди. Чтобы стало еще понятнее: в детективном боевичке, когда главное действующее лицо гонится за преступником, а тот, удирая, таранит и расшвыривает полицейские кордоны, установленные на пути его следования, я как раз и есть тот полицейский, который заблокировал дорогу бандюгану своей таратайкой. Если повезет – задержу его чуток, лишу простора, заставлю совершить лишний маневр. Но чаще всего гипотетический зритель моего лица и не заметит, не запомнит, потому что эпизод уже отыгран, мой автомобиль доблестно валяется на боку, и главный герой настигает жертву совсем в другом кадре.

В этот раз все вышло до скрежета зубовного банально. Темные ведьмы используют для нанесения единственного всесокрушающего удара Круг Силы. У Светлых в зависимости от ситуации подобные Круги называются по-разному, но сути это не меняет. Объединившись в систему, можно не только повысить мощность и бесперебойность воздействия, но даже поднять его уровень, и в итоге три мага третьего ранга сработают по высшему разряду. Собственно, именно этого мы и пытались добиться. И я не рассчитал. Иной – не машина, способная раз за разом выдавать определенный результат, не автомат для дозированной фасовки, не станок для производства эталонного продукта. У нас тоже случаются стрессы и недосыпы, плохое настроение и проблемы личного характера. Если вы считаете такой подход непрофессиональным – спросите у Бьорндалена, почему он то золотой медалист, то статист с двадцать восьмого места биатлонного спринта. И у Месси с Криштиану Роналду спросите, отчего не в каждом матче они по пять мячей забивают. Ведь могут же? Могут. Но не всякий раз.

Самое обидное, что в тот злополучный день не было никакой необходимости выкладываться без остатка, под ноль. Мои коллеги, например, не перенапряглись. Поначалу все шло превосходно: мы втроем, в равных пропорциях, накачивали магический конденсатор

собственной Силой и частями переправляли ее «специально обученному» магу – да-да, тянули то самое бревно из пункта А в пункт Б. Ответственность перед товарищами, адреналин, азарт – и вот я уже понимаю: что-то не так. Привычное действие дается мне с трудом, я взмок, а пальцы, наоборот, заledenели, меня мутит, перед глазами мечутся черные мошки – самое время остановиться. Но разве это возможно? Признать свою слабость, подвести ребят? Как бы не так! И вместо того чтобы сбавить обороты, я поднажал еще.

В горячке боя (ну и что, что мы не сами врага громили, а всего лишь патроны подносили?) ребята не сразу заметили, какими судорожными рывками я пытаюсь внести свою лепту. А заметив, не сочли возможным тащить на себе. С моим самочувствием можно разобраться позднее, куда важнее было бесперебойно наполнять конденсатор. Никто тогда и представить не мог, в каком плачевном состоянии я оказался. И меня отцепили.

Покуда мы были объединены в систему, я мог через Сумрак видеть и слышать все то, что видели и слышали мои коллеги. Как только меня удалили из контура – я стал слепым, глухим и абсолютно обессиленным. Покуда мы были объединены в систему, любому из ребят достаточно было всего лишь вернуть мне самую капельку потраченной энергии, и дальше я бы тихо-тихо восстановился сам. Как только меня удалили из контура – последствия стали необратимы.

* * *

Заселился я в воскресенье под вечер, когда на весь кардиологический корпус был всего один дежурный врач. Поскольку никакой неотложной помощи мне не требовалось, решено было первичный осмотр отложить до утра, когда соберется весь медперсонал.

Дозорный водитель Михалыч, растроганный моим нынешним состоянием до неприкрытой досады и мужественно молчавший в сторонке, возле пожарного щитка, пока длилось оформление у стойки администратора, донес мой чемодан до номера на втором этаже. К счастью, это был действительно номер, а не больничная палата, как мне представлялось. Хотя это логично: все же санаторий, а не госпиталь. Посопев на пороге и протелеграфировав взглядом всю парадигму вполне человеческих эмоций, Михалыч жажнул меня напоследок по плечу крепкой шоферской дланью и удалился.

Я осмотрелся. Чистенькая аккуратная комната. Шкаф, кровать, письменный столик, два стула. Слева-справа от балконной двери – холодильник и тумбочка с телевизором. Пройдя, я раздвинул полуприкрытые шторы и выглянул наружу. Припорошенная снегом подъездная дорожка, тянущаяся от неразличимого в темноте шлагбаума на въезде в санаторий, заканчивалась расчищенным пятачком аккуратно под балконом. На противоположной стороне дорожки, буквально в десятке метров от стены корпуса, начинался лес – такой густой, что из окна казался непроходимым. Впрочем, судя по тому, что местами он был будто бы подсвечен изнутри, здесь имелись пешеходные тропинки – наверняка с неказистыми, как бы не советских еще времен лавочками, беседками и фонарями. Хмыкнув, я понял, что хочу туда, в лес, на мороз, в темноту, на свежий воздух.

Заторопившись, я вернулся за чемоданом, успев по ходу мельком умилиться висящей справа от двери несуразной коробочке с надписью из далекого детства «Громкоговоритель абонентский». Интересно – работает? И если работает – какая радиостанция здесь вещает? С трудом взгромоздив чемодан на постель, я принялся методично вытаскивать и развешивать в шкафу вещи, раскладывать по полочкам белье и туалетные принадлежности, сунул в холодильник привезенные с собою бутылки минералки – я много пью, хоть и говорят, что это вредно в моем состоянии. Совершая нехитрые действия, я пытался вспомнить радиопередачи, которые давным-давно слушала моя бабушка – вот из такого же или почти такого громкоговорителя. Там были детские и взрослые спектакли – это точно. «Вот и чудесно! –

размышлял я, убрав пустой чемодан под кровать и напяливая лыжный комбинезон. – К черту телевизор! Буду вечерами читать в здешней библиотеке или слушать радиопостановки». От мысли, что подобные вечера могут затянуться, стать моим уделом на весьма и весьма продолжительный отрезок времени, зябкий холодок пробрался в сердце, кольнул, отозвавшись болью во всей левой половине. Поежившись, я продолжил одеваться.

Пятнадцать лет назад, накануне своего сорокалетия, я, сам того не зная, находился в предынфарктном состоянии. Организм, оставленный мною без надлежащего присмотра, вяло сопротивлялся, сам же я усиленно гнал от себя мысли о необходимом обследовании. Через пару месяцев я бы, наверное, даже не понял, от чего именно умер. Вмешался счастливый случай – меня заметили, просветили и инициировали.

Став Иным и более или менее научившись управляться с Силой, я с ужасом обнаружил нажитые изъязы и точки риска своей изношенной тушки. И на первое время основной моей работой стали не оперативно-розыскные мероприятия в составе Дозора, а наведение порядка в захламленном рассыпающемся теле. Здесь подлатать, там заблокировать, тут почистить – и следующие пятнадцать лет я чувствовал себя практически юношей: мало того что ни одна человеческая хворь меня не брала, так я еще и стареть перестал...

Я осторожно переставлял ноги. Из-за невозможности вдохнуть полной грудью сам себе я казался ссутулившимся и нахохлившимся, что наглядно подтверждала моя зыбкая тень. Фонари вдоль дорожек были чудными: сантиметровой толщины стебли какого-то выющегося растения густо оплели каждый столбик до самого верха, и сейчас, зимой, лишенные листьев, кончики этих стеблей торчали враспырку над молочно-белыми шарами плафонов, будто всклокоченные шевелюры. Косматые чудища. Хорошо, что все светят. Вот так повстречаешь в темноте неработающий – у самого волосы на голове зашевелиятся.

Я шел и старался почувствовать вкус здешнего воздуха. Но пока получалось чувствовать лишь боль слева. Пятнадцать лет... К хорошему быстро привыкаешь. Если бы меня еще неделю назад спросили, каково это – быть больным, я бы пожал плечами: а зачем им быть?

Случилось странное, досадное и пока необъяснимое: вдруг выяснилось, что та операция, во время которой я выложился досуха, то ли не санкционирована высшим руководством, то ли проведена с нарушением каких-то договоренностей. Было назначено расследование, и до его окончания ни один из участников того столкновения не имел права пользоваться сколь-нибудь серьезной магией. В число попавших под запрет манипуляций вошло и магическое восстановление здоровья. И потому состояние моего организма откатилось на пятнадцать лет назад, в ту пору, когда мне грозил обширный инфаркт. Конечно, кое-что мне удалось исправить раз и навсегда, но вот благополучие сердечной мышцы все эти годы держалось исключительно на стимуляции Силой. То есть, пока я мог себя контролировать, пока я следил за самочувствием через Сумрак, я оставался крепким дееспособным мужиком. Теперь я и Силы был лишен, и помощи со стороны Дозора до окончания следствия ждать не приходилось. Куда деваться? Раз меня не лечат как Иного, приходится обращаться к медицине человеческой.

Я описал приличный круг по территории, ограниченной всевозможными корпусами, и вернулся ко входу в особняком стоящую кардиологию. Взглянул на экранчик мобильного с веселеньким электронным циферблатом: надо же, всего двадцать минут прошло – мало-вато для прогулки. И в конце-то концов, я же по лесу собирался побродить, а не по благоустроенному внутреннему двору!

Санаторий располагался в натуральной чащобе, и ничего, наверное, удивительного, что какая-то часть преимущественно хвойного леса оказалась внутри, по эту сторону забора. Со словами «Там, на неведомых дорожках, следы невиданных зверей» я ступил на едва приметную тропку. Вédомые дорожки, расчищенные до асфальта и освещенные фонарями, шли слева-справа буквально в трех десятках метров. Там чуть слышно шаркали подошвами

неспешно прогуливающиеся старички и старушки. Там велись приглушенные беседы. Там я нынче уже гулял. Скучно, обыденно. Моя же тропинка была извилистой, петляла меж разлапистых елей, вкусно хрустела снегом под ногами, терялась во мраке и, самое главное, была абсолютно безлюдна. Не то чтобы я вообще избегал общества – просто не чувствовал в себе сегодня сил знакомиться и поддерживать возможный разговор.

Я брел потихоньку и повторял про себя все то, что необходимо завтра не забыть рассказать врачу. Конечно, у меня с собою была кипа бумажек – кардиограммы, результаты анализов и прочих исследований, проведенных в городе, – все то, на основе чего я получил направление в санаторий. Но ведь мне наверняка зададут вопросы? А объясняться с докторами я разучился давным-давно.

Я брел и брел, а тропинка все не заканчивалась. Я даже забеспокоился в какой-то момент: как же так? Может ли быть такое, чтобы здесь отсутствовала часть забора, и я, выйдя сквозь прореху за пределы санатория, продолжал двигаться все глубже и глубже в лес? Я завертелся на месте. Нет, слева-справа по-прежнему различались фонари. Может, и не в тридцати метрах, как раньше, а в полусотне или даже больше, но я прекрасно видел подсвеченные участки. Вообще молочный свет играл нехорошую шутку, создавая жутковатый контраст. Снег казался еще белее, а все, что не снег, превращалось в густые черные тени. Почему-то сделалось не по себе.

Я не герой, хотя когда-то и мечтал стать героем. Мужественный персонаж какого-нибудь увлекательного триллера наверняка наплевал бы на опасения и двинулся дальше. Из интереса. Из желания продемонстрировать бесстрашие и пофигизм. Или вопреки доводам рассудка. Я же просто побрел обратно.

Холодок нагнал меня шагов через двадцать, скользнул по щеке, влез под капюшон, пробежался вдоль позвоночника. Периферическое зрение угадало какое-то движение неподалеку. Я замер. Возможно, виной тому нервы, возможно, беспомощность, кажущаяся после исчезновения дара особенно болезненной и глобальной, а возможно, то и другое вместе, – но мне слишком хорошо были знакомы признаки, чтобы не запаниковать. Мои инстинкты вопили: «Опасность!», мои рефлексy, наработанные в Дозоре, требовали немедленного ухода в Сумрак, глаза таращились в нелепой попытке просканировать пространство сумеречным зрением... Тишина, темнота, рассеянная молочно-белыми лучами, и тени, всюду тени, целое царство теней, и ни одну из них не сделать объемной, не оторвать от снега, чтобы шагнуть навстречу и очутиться на первом слое! Я ощущал себя слепым калекой под прицелом снайперской винтовки.

Простояв так несколько минут, я постарался привести дыхание в порядок. Померещилось? Вероятно. Обычный человек не придавал бы подобным мелочам никакого значения, но когда ты знаешь о существовании Иных, когда ты сам совсем недавно был Иным – ничего удивительного, что их присутствие будет тебе мерещиться всюду.

Я сделал осторожный шаг. Скрипнул снег, и тут же хрустнула ветка. Не у меня под ногой, а где-то поблизости. Через секунду я расслышал еще один звук – совсем рядом кто-то шумно мочился на снег. Настолько рядом, что я должен был увидеть хотя бы силуэт, но не видел по-прежнему ничего, кроме неподвижных теней, отбрасываемых стволами и лапами елей. Настолько рядом, что я уловил в воздухе запах мочи. Животное? Лось? Кабан?..

Человек?

Еще один шаг прочь. И еще. Кажется, в темноте кто-то хмыкнул. Забавляется? Недоумевает?

Возникло полное ощущение, что отрезок тропинки, на котором находился я, и все, что прилегает к нему в радиусе двух метров, вдруг приподнялось над поверхностью земли и едва заметно завертелось в разных плоскостях. Будто кто-то любопытный поднял щепку

с усердно ползущим по ней насекомым, покрутил так и эдак, разглядывая со всех сторон... и аккуратно положил на место.

Ощущение чужого внимания исчезло, и я ломанулся со всех ног, постоянно оскальзываясь, промахиваясь мимо утоптанной тропинки и зачерпывая ботинками снег.

Мне нельзя бегать, не для моего самочувствия это занятие, но ужас был таким острым и неподконтрольным, что опомнился я только у входа в кардиологию: мокрый, задыхающийся, с готовым разорваться сердцем. Вышедший покурить охранник вытаращился на меня, затем с ноткой недоумения проговорил:

– Мы вообще-то в одиннадцать двери закрываем, могли бы так не торопиться.

Я содрал с головы капюшон, отер перчаткой лоб, кивнул – дескать, понятно, и поплелся внутрь.

* * *

Примерно до полуночи я маялся размышлениями, что это было. Нет, мои паника и постыдное бегство вполне объяснимы. Я достаточно долго пробыл Иным, чтобы представлять себе все ужасы, которым мог быть подвергнут. Рассудок шептал, что все это глупости, что ничего не случилось и случиться не могло, но тогда, на пике испуга, я этого шепота не расслышал. Попробуйте человеку, всю жизнь проработавшему с отравляющими веществами и вдруг оказавшемуся в лаборатории без защитного костюма, объяснить, что смертельные яды в пробирках не причинят ему вреда. Попробуйте полицейскому, поймавшему сотню живодеров и попавшему на серьезном правонарушении, доказать, что в тюрьме, где сидят арестованные им рецидивисты, ему ничто не угрожает. А я, если уж на то пошло, за годы работы в Дозоре имел дело и с ядами, и с живодерами.

Не стоит даже и говорить о том, как сильно мне хотелось позвонить в свой отдел, попросить ребят немедленно прислать ансамбль песни и пляски, прошерстить здесь все, камня на камне не оставить... Нельзя. Засмеют. Испугался, глупенький, страшного Иного в дремучем лесу... Почему испугался, что за причины экстренного вызова? А нет причин, есть трусость и каприз.

В результате я выстроил несколько логических цепочек и выбрал самую очевидную. Кто-то, кто работает в санатории или находится здесь на лечении-восстановлении-отдыхе, любит так же, как и я, уединение и потому вечерами гуляет не по освещенным дорожкам, а по едва заметной лесной тропке, которую, возможно, сам же и протоптал. Вечером воскресенье в кардиологию заселяется совсем не старый и даже, можно сказать, спортивно выглядящий мужчина. Через полчаса после заселения мужчина одевается и напрямую идет туда, где некто привык проводить время в одиночестве. Подозрительно? Еще как. Вот и решил этот некто проверить, что я за экземпляр, не по его ли душу. Что мог он увидеть, рассматривая меня, словно букашку? Я искренне надеялся, что в памяти моей он не копался – почему-то мне казалось, что я почувствовал бы это, угадал по известным мне симптомам. Этот некто ограничился поверхностным осмотром. Сперва, наверное, убедился, что я действительно больной: притворяйся – не притворяйся, а здоровое сердце не замаскируешь без помощи магии. А магии на мне и во мне – ноль. Но моя реакция продемонстрировала, что я почувствовал его интерес к своей персоне. Тогда он создал условия, при которых я должен был шагнуть в Сумрак и тем самым выдать себя. Я этого не сделал. Тогда он копнул чуть глубже – просканировал на предмет наличия Силы. Увы, и тут его ждало разочарование. Или радость. В моей ауре наверняка сохранились оттенки, позволяющие ошибочно отнести меня к потенциальным, неиницированным Иным. Или оттенки эти сейчас настолько слабы, что сквозь Сумрак я кажусь обычным человеком с развитой интуицией, человеком, чувствительным

к постороннему воздействию? Как знать... В любом случае некто должен был решить, что я для него безопасен. Или бесполезен.

И славно.

Засыпая, я поймал себя на мысли, что теперь непременно буду вглядываться в лица всех встречаемых-поперечных в попытке угадать, с кем пересекаюсь на темной тропинке.

* * *

Так, собственно, и вышло. Пока спозаранок, ежась от холода и позевывая, я сидел в очереди на сдачу крови, ни один из моих соседей не был обойден вниманием. Мимика, взгляды, морщинки, руки, разговоры и дыхание – глупо, наверное, предполагать, что я по каким-то признакам смог бы выделить Иного из толпы, особенно если он сам того не желает, но я продолжал анализировать все, что попадалось на глаза. И, собственно, был вознагражден. Правда, догадка пришла вовсе не оттуда, откуда я ожидал.

В процедурном кабинете работали две медсестры. Дверь практически не закрывалась, потому что обе орудовали довольно быстро, и поток обитателей санатория не прерывался. Практически. Я с самого начала обратил внимание, как люди в очереди время от времени пропускают друг друга вперед. Чаще всего это были бодрящиеся старички, которые со словами «Я к Леночке!» жестами показывали тем, кто непосредственно за ними, что вторая медсестра свободна. Вторая медсестра – классическая мышка с мелкими чертами лица и мелкими же движениями – проводила забор крови умело и аккуратно. Я попал именно к ней и по достоинству смог оценить ее легкие пальчики, не доставившие моему локтевому сгибу ни малейшего дискомфорта. Пять пробирок уже были наполнены, а я так и не почувствовал место прокола. А вот Леночка, к которой так стремились попасть, аккуратностью не отличалась. Зато была ослепительно хороша собой и улыбалась так ярко, что приосанившиеся старички старались вовсю – флиртовали и глупо шутили, будто подростки, хотя кривились от боли, когда Леночка с третьего раза не могла попасть иглой в вену. С одной стороны, ничего странного: в присутствии такой женщины любой начнет бодриться и остроумничать, и даже самый ошипанный павлин попытается распушить оставшиеся перышки. С другой стороны, была в ее небрежности какая-то нарочитость. И лишь потом до меня дошло: да она же своей поощряющей улыбкой провоцирует бедолаг на подобный мазохизм! Боль – это ощущение, вызывающее сильные эмоции, вне зависимости от того, насколько она сама по себе сильна, да плюс еще и ожидание этой неминуемой боли – негатив еще тот, а уж вкупе с эмоциями положительными – от созерцания эдакого цветка в царстве засохших клумб – выплеск Леночка себе устраивала нехилый. Если дура – она этими эмоциями тут же и питается. Но на дуру она не походила. Дозор не дремлет. Кому же захочется быть попавшейся с поличным? А так – ну да, уколы делаю не идеально, но я же не виновата, что все ко мне идут? Значит, их все устраивает. А что до их эмоций – так вы посмотрите, я ни капельки не украла!

Стало быть, после того как процедурный кабинет заканчивает работу, она украдкой собирает остатки, которые не успел сожрать синий мох, коего, я уверен, здесь в избытке. Могла ли Леночка быть той, кого я встретил поздно вечером? Вряд ли. Мой неизвестный некто не был похож на существо, питающееся объедками. Или мне просто было стыдно признаться себе, что я мог испугаться подобного существа.

* * *

Столовая поражала размерами. Под потолком неспешно, с ленцой крутились вентиляторы откуда-то из прошлой жизни. Администратор долго вертел в пальцах мой талончик.

Я чуть не прыснул: он всерьез считает, что талон в столовую может оказаться подделкой?! Чуть позже я понял причину этой паузы. Вероятнее всего, молодой, но ушлый администратор лихорадочно соображал, куда, за какой столик меня усадить на все время пребывания в санатории. Контингент тут в основном возрастной, капризный, назойливый, а я не казался тем, кто с удовольствием будет выслушивать рассказы о снах, болячках и успехах внуков-правнуков. Это меня умилило. Надо же! Молодой парень всерьез заботился о моем комфорте! Его не пришлось стимулировать магическим или финансовым образом, даже заикнуться не пришлось – он сам!

Правда, я мог бы рассказать ему, что общение с очень пожилыми людьми – штука бесценная. Сколько всего уходит от нас вместе с ними... Целые эпохи уходят, а мы не успеваем задать нашим пращурам самых элементарных вопросов и лишь потом понимаем, насколько эти вопросы были важны... И тут нет особой разницы, человек ушел или Иной.

В итоге он усадил меня за отдельный столик. Чего, спрашивается, так долго раздумывал, если изначально имелся подобный вариант? Оставшись в гордом одиночестве и ожидая, пока мне принесут тарелку каши, я осмотрелся. Отсюда, если не сильно вращать головой, была видна большая часть столовой. Возможно, рано или поздно я таки вычислю, кто из обитателей санатория бесцеремонно мочится в лесу, пугая гуляющих.

Каша была из тех, о которых моя бабушка говорила: «За вкус не ручаюсь, зато горяча!» После каши принесли паровые котлетки и чай с бутербродами. Не помню, когда я в последний раз столько съедал на завтрак, да и съедал ли вообще.

Разговоры гудели назойливой мошкаррой. Впрочем, нет, не назойливой. Скорее они только подчеркивали покой и размеренность, что царили в санатории в утренние часы. Никто не торопился запихнуть еду в рот, чтобы быстрее помчаться по неотложным делам, никто не перекусывал на бегу и кое-как – здесь питались обстоятельно, со вкусом и без капризов.

Я присматривался к соседям. Соседи присматривались ко мне, шепотом делились друг с другом впечатлениями. Наконец от столика справа ко мне перегнулся седоусый дедок.

– ООО? – спросил он твердым голосом.

– Н-нет, ЗАО, – запнувшись от удивления, ответил я. – Закрытое акционерное общество «Гидроприборснаб-восемьдесят».

Дедок недовольно поджал губы, затем вежливо уточнил:

– Я спрашиваю – какой у вас диагноз? Мы тут решили, что открытое овальное окно. ООО. Это верно?

Помотав головой, я объяснил. За соседним столиком заохали, запричитали – такой молодой, такой здоровый на вид, как же так, что ж за жизнь проклятушая, стрессы, радиация, депутаты... Мысленно возблагодарив чуткого администратора, я извинился и вышел из столовой.

Не люблю, когда меня жалеют. Никогда не любил. Случалось, что мне на секундочку хотелось сочувствия, и тогда я переставал любить себя. Да, я не герой, хотя и метил когда-то в герои, но это не повод показывать другим свою слабость. Примерно в этом месте своих размышлений я вспомнил, каким жалким был вчера в лесу, и приуныл.

На колонне в холле висела красочная афишка, отпечатанная на обычном цветном принтере. Творческая встреча.

– Это что же, – спросил я у проходящего мимо медработника, – к вам и артисты приезжают?

– Почему приезжают? – Он подошел ближе и, близоруко сощурившись, взгляделся в афишу. – Эмма Георгиевна не приезжает, она здесь живет.

– После операции восстанавливается? Или так, профилактически?

– Просто живет. – Он пожал плечами. – У нее есть определенные проблемы с сердцем, не без этого. Но сюда она переехала из-за тишины. Репетирует, разучивает роли, подыски-

вает типажи. Раз в неделю водитель отвозит ее в город, в театр. Ей вообще-то восемьдесят, но она бодрячком, все еще играет на большой сцене. Играет – и возвращается сюда. А по понедельникам развлекает здешнюю публику – то творческую встречу устроит, то просто стихи читает. Лет пять уже, по-моему.

– Пять лет?! – с нескрываемым ужасом переспросил я.

– Ну а что вы так удивляетесь? У нас несколько таких постояльцев. Пять лет – далеко не самый большой срок. Аристарх Филиппович, к примеру, девятнадцать лет радует нас своим присутствием.

Меня аж качнуло. В санатории. В номере, которому никогда не стать по-настоящему обжитым. В пропахших лекарствами коридорах. В тесном соседстве с больными и умирающими. Девятнадцать лет... Кошмар.

– Аристарх Филиппович – это тоже актер?

– Ученый. Профессор. Одиноким – ни родных, ни друзей. Девяносто четыре года, какие уж тут друзья... А к Эмме Георгиевне на вечер загляните, она интересно рассказывает. Некоторые по пятому разу приходят.

Мы обменялись понимающими улыбками. В месте, где самыми доступными развлечениями являются хвойные ванны и массаж воротниковой зоны, даже выученные наизусть и набившие оскомину стихи и бородатые театральные байки в исполнении великой актрисы – праздник.

– Ему не к Эмме Георгиевне надо, – подошел давешний седоусый, – а как раз к Аристарху Филипповичу. – Он повернулся ко мне и доверительно сообщил: – Гранин читает лекции по скайпу. От заявок из разных городов отбоя нет! То один институт, то другой, а то и академия какая-нибудь. Вы же из гидроприборо-что-то-там? Вот как раз по вашему профилю. Сегодня после обеда снова будет вещать. Кажется, для Самары.

Я замялся. ЗАО «Гидроприборснаб-80», разумеется, было прикрытием нашего отделения Дозора. В приборах, физике и прочих гидрах я не разбирался совершенно. Но отказываться мне было отчего-то неловко.

– А... где профессор читает свои лекции?

– Да в комнате своей читает. А мы в зимнем саду трансляцию слушаем. Можно и в номерах слушать, по местному радио, но в зимнем саду как-то интереснее.

Пообещав, что непременно загляну, я пошел знакомиться с лечащим врачом.

* * *

До обеда мне удалось не только пообщаться с доктором, но и прогуляться по свежему воздуху. Разумеется, я не удержался, сунулся на вчерашнюю тропку. В глаза бросались пропаханные мною участки – вот же стыдоба! Других отчетливых следов на утоптанном снегу было не разобрать. Да и что бы мне это, по сути, дало? Размер? Отпечаток какого-то особого рифления на подошве? Угу, а в санатории в общей сложности человек четыреста плюс персонал. Ходить и проверять обувь? Нет, конечно, острые каблочки женских сапожек значительно сократили бы круг подозреваемых, но увы, отпечатков таковых здесь не наблюдалось. Да и вообще – дался мне этот таинственный Иной! Ничего же не произошло? Ну и прекрасно! Что за паранойя-то такая разыгралась? Ну, вычислю я его – и?.. Подойду и поздороваюсь? Представлюсь? Посоветую теплее одеваться для вечерних прогулок? Бред какой...

После обеда меня разморило, я сонно плелся по длинному стеклянному переходу, идущему от второго этажа главного корпуса со столовой до второго этажа кардиологии, аккуратно к коридору с моим номером. Где-то ближе к концу переход расширялся, превращаясь в круглый стеклянный зал – зимний сад. Только увидев расположившихся на диванах и в крес-

лах, я вспомнил про предстоящую лекцию. Места свободные еще имелись, а подремать я смогу и под сенью всяких пальм-фикусов-араукарий. Интересно же, что эта местная знаменитость рассказывает студентам из разных городов и чем так привлекает здешнюю отнюдь не ученую публику. Нет, я, конечно, не сомневался, что среди старичков и старушек наверняка отыщется пара-тройка бывших ученых. Да пусть бы даже десяток – но не все же они физики? Да и собравшихся в саду было куда больше десятка.

Пока не началась лекция, народ довольствовался телевизором. Вот уж что совсем было не к месту в конкретной зоне отдыха! Тут зелено и тепло, чирикают в клетках птички, тут мягкие диваны и шахматные столики с гигантскими, размером с пивную кружку, фигурами. Представить здесь человека с пухлым томиком стихов или стареньким приключенческим романом – запросто, а вот новости и прочий телевизионный негатив... Ну, не для зимнего сада, как мне кажется. И не для сердечников.

Впрочем, судя по радостному оживлению, сейчас на экране происходило нечто забавное. Как мне удалось понять, очередные гастроли звезды шансона Ивана Петрова грозили войти в Книгу рекордов Гиннесса. То ли в пятом, то ли в шестом городе подряд сцену забросали воздушными шариками, наполненными не то чернилами, не то штемпельной краской. Диктор, усиленно сдерживая улыбку, сообщал, что часть виновников хулиганской выходки удалось задержать, а в это время на студийном экранчике за его спиной мегапопулярный Иван Петров комично уворачивался от летящих в него снарядов, и состояние его сценического костюма являлось доказательством, что штатив с микрофоном – не слишком хорошее укрытие, а слова «Ты только моя, ты такая моя, люблю тебя я, дорогая моя» вопреки его же собственному мнению нравятся отнюдь не всей стране.

Радостное оживление в зимнем саду сменилось возбужденными спорами на тему, хороший ли Петров певец, и кто его знает, дошло бы до кровопролития или ограничилось бы дружным распитием валокордина, но в этот момент зашикали, выключили телевизор и приготовились внимать.

Звук был так хорошо отрегулирован, что я недоуменно закрутил головой в полной уверенности, что лектор находится где-то здесь. Но нет – трансляция велась по местному радио. Из нескольких репродукторов одновременно донесся старческий, но все еще приятный баритон. Красивый голос, ничего не скажешь.

– Тема лекции – «Дистанционная диагностика состояний объемных сред и процессов», – объявил профессор Гранин.

Супер! Всегда мечтал. Я снова заозирался – не розыгрыш ли? Что, все эти люди на полном серьезе собрались здесь, чтобы послушать про дистанционную диагностику?!

– В шестидесятые годы прошлого столетия моя лаборатория в Институте автоматики и автометрии, базировавшаяся в недавно отстроенном Академгородке под Новосибирском, была занята поисками методов исследования турбулентных движений в жидкостях. По аналогии с воздушными потоками мы пытались применить к жидкостям методику, основанную на использовании чувствительного элемента в виде тонкой нагретой проволоки. Но проволока не выдерживала напора и рвалась с увеличением скорости. Датчик в виде металлической пленки, напыленной на стеклянную подложку, работал куда лучше, но имел один существенный недостаток – он сильно искажал исследуемый поток. – Профессор кашлянул и, судя по всему, усмехнулся. – Представьте, что вы окунули в ручей руку, чтобы определить, насколько сильное течение. Вопрос: что окажет большее влияние – ручей на ладонь или ладонь на поток воды? Вмешиваясь в процесс посредством ввода в исследуемый материал посторонних дестабилизирующих факторов, вы рискуете на выходе получить...

– Хорошо говорит! – качнула головой седенькая бабулька, сидящая справа от меня.

– Это что! – откликнулась другая, мельтешащая вязальными спицами. – Вот сейчас про лазеры начнет – вообще заслушаешься!

Сюр? Сон?

– В этот период существовало две гипотезы возникновения турбулентности. Первая принадлежала Ландау и заключалась в том, что турбулентность возникает как бесконечная цепочка бифуркаций...

Мимо прошла девочка. Совсем маленькая, лет шести-семи. Ей было так же скучно, как и мне, мы синхронно с ней зевнули и, заметив это друг за другом, так же синхронно хихикнули.

Что она здесь делает? Почему слоняется туда-сюда? Разве для детей нет специальных санаториев? Или она не больна, а просто... с бабушкой приехала? А так можно?

Как же меня бесило собственное бессилие! Раньше на любой вопрос об интересующем объекте я мог мгновенно получить практически любую информацию. Да что там! Я мог бы практически мгновенно вылечить этого златокудрого ангелочка в резиновых шлепанцах на босу ногу! Ну, если бы возникла такая необходимость...

Я подмигнул девчужке, поднялся с дивана и, пошатываясь, поплелся в номер. Лекция о турбулентности – прекрасное снотворное, как оказалось...

Чем дальше я отходил от зимнего сада, тем приглушеннее становился голос в динамиках, но буквально за три номера до моего – вновь усилился. Вероятно, кто-то слушал трансляцию по местному радио. Или... Я скрежетнул зубами: обладай я Силой, я бы мгновенно определил источник. Впрочем, мне повезло: одна из дверей была чуть приоткрыта, и я, чувствуя себя извращенцем-вуайеристом, осторожно заглянул в щелочку.

На кровати полулежал глубокий старец. На нем была застиранная, но хорошо отглаженная рубашка, повязан куцый галстук, а поверх надет довольно приличный пиджак. На ногах – полосатые пижамные брюки. Крупные желтые пятки победно упирались в низенькую спинку у изножья кровати. Поперек его туловища, аккуратно на стыке пиджака и брюк, располагалась такая штука... полочка, на которой приносят еду лежащим больным. Сейчас на ней стоял ноутбук – довольно мощный, кстати.

– Иными словами, если энергия одной моды растет, – уверенно произносил Гранин, рукой оглаживая седую профессорскую бороду и пристально глядя в ноут, – то амплитуды других падают. В результате был сделан вывод, что сначала турбулентность развивается в соответствии с гипотезой Ландау, но затем происходит уширение спектральных линий, и спектр флуктуаций становится сплошным, что характерно для развитой...

Я постарался прошмыгнуть раньше, чем он успел поднять на меня глаза.

Аристарх Филиппович... Имя-то какое... аристократическое. Профессор. Светило науки, не иначе, если судить по тому, что его знания до сих пор востребованы. Динозавр минувшей эпохи. Интересно, для чего ему все это? Вон даже скайп освоил. Настолько привык быть в центре внимания? Не мыслит себя без какой-либо причастности к науке? Или просто необходимы средства, чтобы оплачивать койку, в низенькую спинку которой так удобно упираться пятками?

После вечерних внутривенных вливаний, назначенных врачом, я вновь напялил лыжный комбинезон и теплую куртку с капюшоном. Нет, я вовсе не собирался устраивать засаду. В конце концов, это действительно глупо, особенно с учетом того, что мое знание мне абсолютно ничего не даст. Ну, бродит здесь Иной – и пусть бродит. Лишь бы не трогал никого. И вообще – это не мои проблемы. У меня здесь в принципе не должно быть никаких проблем. Я приехал лечиться и, так сказать, заниматься общим укреплением организма. С завтрашнего дня начнутся всякие процедуры – ингаляции, циркулярный душ, хвойные ванны, массаж, кислородные коктейли, лечебная физкультура в щадящем режиме и бассейн. И свежий воздух. И тишина. С какого перепугу я решил, что обязан отыскать приключения на собственную задницу?

Впрочем, понятно, с какого перепугу...

В холле первого этажа вчерашний охранник жестами попросил меня сдвинуться в сторонку, уступить дорогу кому-то, кто выворачивал из коридора к выходу из корпуса. Я послушно посторонился, зацепился плечом за пожарный щиток и с недоумением уставился на него. *Déjà vu*? Неуместно красная дверца с белыми буквами, внутри – наверняка шланг и какие-нибудь причиндалы для тушения огня. Рядом – такой же яркий коробок со стеклом, за которым кнопка общей тревоги. Где я это уже видел? Почему мне это знакомо? Отголосок какой мысли только что мелькнул?

И тут я увидел, кому уступал дорогу.

Два санитары везли на каталке накрытое простыней тело.

На лбу мгновенно выступила испарина.

– Не переживайте! – участливо посоветовал возникший рядом седоусый дедок, «дедок ООО», как мысленно прозвал его я. – Вы же понимаете, в каком месте оказались? Здесь это частый случай, как ни прискорбно. Не принимайте близко к сердцу. – Он мял в руках снятую при виде покойника шапку. – Вы гулять? Это правильно. Пойдемте. Не беспокойтесь, я не стану навязывать вам свое общество, просто, похоже, вы забыли, зачем спускались. Возпрееете.

Нет, отказываться от его общества я не стал. Во-первых, мне неуютно было бы одному протискиваться мимо близко припаркованной «скорой». Во-вторых – да, да, называйте это паранойей! – мне показалось любопытным, что дедок ООО принимает участие буквально в каждом эпизоде. И в столовой-то он ко мне обратился, и в разговор возле афиши вклинился, и сейчас материализовался, будто по мановению волшебной палочки... Ну что ж, пообщаемся.

В итоге мы с ним намотали три моих вчерашних круга (один круг – двадцать минут, да). Похоже, имел место тот самый случай, о котором мне хотелось поведать администратору в столовой: с этим пожилым человеком было интересно.

* * *

Ночью я проснулся и совершенно ясно увидел, что за моей дверью кто-то стоит. Ну, «совершенно ясно увидел» – это, возможно, преувеличение. Но, будь я до сих пор Иным, я бы именно так почувствовал подошедшего к моему номеру. Кто-то стоял почти вплотную, занеся руку со сжатым кулаком, будто намеревался постучать, да так и не решился, замер. Я сел на постели, подтянув одеяло повыше. Шли минуты, а черный силуэт, отчетливо существующий в моем воображении, и не факт, что существующий в реальности, по-прежнему не шевелился.

Я почувствовал, как по вискам текут капельки пота. Сердце не то чтобы колотилось, как после бега, – нет, но каждый его удар болезненно толкался изнутри. Если там человек – почему он не постучит? Если там Иной – почему он не войдет сквозь Сумрак? Впрочем, если это Иной, он давно уже может быть здесь, внутри, в двух шагах от моей кровати, а я слепо пялюсь туда, где он находился несколько минут назад.

Одним махом комнатка сжалась, сдвинулись стены, вплотную приблизился потолок. Осталась только кровать, липкий от пота я и дверь, за которой кто-то был. Впрочем, дверь тоже сузилась до размеров тумбочки, а еще почему-то все вокруг стало наливаться красным. Густой темно-бордовый туман заполнял ставшую крохотной комнату; одеяло, край которого был стиснут в моих пальцах, казалось ярко-алым, словно пропитанным свежей кровью; налилась кумачом крохотная коробочка «Громкоговорителя абонентского», но самым красным, я бы даже сказал – обжигающе красным предметом оставалась дверь.

Потом все исчезло, и я со стоном откинулся на подушку. Меня снова выжали. Как тогда, во время операции. Только там я отдавал Силу по собственной воле, а здесь и сейчас... Здесь

и сейчас у меня и Силы-то не было. Так, жалкие крохи снулой энергетики больного человека...

Понимая, как глупо это выглядит, я медленно поднял руку и ощупал горло, сначала слева, потом справа. Ни проколов, ни потеков крови я не обнаружил. Не вампир. Вообще это было бы логично – кровососы не могут войти в твоё жилище без приглашения, без обозначенной в Сумраке вампирской тропки. Может, этим и была вызвана нерешительность существа, замершего по ту сторону двери? Но если в результате оно все же попало внутрь... Значит, не вампир? Или вампир, которому не требуется мое разрешение, потому что... потому что его сюда уже приглашали! Кто-то, кто жил в номере до меня, позволил вампиру приходить в гости. Может такое быть? Что произойдет с тропкой, если в комнате поменяется жилец? Скажем, если прежний постоялец умрет – тропа развеется в Сумраке. А если не умрет? Если он пожил здесь две-три недели, поправил здоровье и вернулся домой?

У меня коченели кончики пальцев на руках и ногах, слабость была такая, будто и впрямь из меня откачали не меньше литра крови. Вот чертовщина-то какая!

Представим, что вампир работает в этом санатории. Если он работает давно... скажем, он лечащий врач или обслуживающий персонал – горничная, сотрудник столовой, приносящий обеды лежащим больным, медсестра, делающая им же уколы... Ох, какое тут может быть раздолье для осторожного, умного и хитрого кровососа! За какой-нибудь год, а то и меньше, его наверняка хотя бы по разу пригласят в каждый из номеров. Потом жильцы сменятся, но тропа-то останется! И в любое время дня и ночи эта мерзость, этот низший Темный, может незаметно пробираться внутрь и... И если быть аккуратным, внимательным к мелочам, то Ночной Дозор долго-долго будет оставаться в неведении относительно творящихся здесь преступлений.

Я уже успел забыть, что не обнаружил на себе следов вампирского укуса, мною овладел азарт оперативника. А потом я уснул.

* * *

– Что слушаешь-то? – спросила меня бабулька-массажистка.

За завтраком я съел непозволительно много, что, конечно, было неправильно в свете предстоящих процедур, но мне необходимо было восстановить силы – после такой-то ночи! Сейчас я сыто жмурился, блаженствуя под сильными пальцами специалиста еще советской школы. Это нынче достаточно пройти двухнедельные курсы, получить диплом – и вперед! Можно открывать массажный салон. Но здесь, в санатории, недоучкам было не место.

Наушники я прихватил с собой намеренно: так можно было избежать ненужных разговоров, бессмысленных бесед, на которые я несколько раз нарывался. Не сомневаюсь, что о моем диагнозе было уже известно всем или почти всем в кардиологическом корпусе, но скучающие больные считали своим долгом лично подойти и задать вопросы, поохать, поцокать языком, покачать сокрушенно головой, помянуть стрессы, радиацию и почему-то Обаму. На фиг! А когда у человека уши заткнуты – вроде и обращаться к нему не слишком удобно, и всегда можно сделать вид, что попросту не услышал вопроса.

Впрочем, как оказалось, некоторых совершенно не смущало наличие наушников.

– «Наутилус», – невнятно пробормотал я: когда твоя нижняя челюсть покоится на собственных кулаках, поставленных один на другой, «утилу» еще хоть как-то выговаривается, а вот первый слог произнести сложновато. – Это такая группа...

– Так что ж ты? – Она ослабила хваткие пальцы. – Чего молчал-то? Давай вместе послушаем. Я аккуратно перед твоим приходом диск выключила – не всем пациентам нравится, когда музыка во время процедуры играет.

Она отстранилась от массажного стола, щелкнула чем-то. Я вздохнул. Сейчас, разумеется, окажется, что она меня не так расслышала, и зазвучит какой-нибудь Николай Басков. Или, того лучше, Иван Петров. Пожилым людям они оба нравятся примерно так же, как Муслим Магомаев или, чтоб его, Малевич. Но мне было неудобно игнорировать ее предложение, и я послушно выдернул пимпочки из ушей.

На городской помойке воют собаки,
Это мир, в котором ни секунды без драки.
Бог сделал непрозрачной здесь каждую дверь,
Чтоб никто не видел, чем питается зверь... —

энергично доносил до слушателей Бутусов.

Твою мать! Действительно, «Наутилус Помпилиус». Мне захотелось вывернуть шею, чтобы еще раз посмотреть на массажистку. Казалось, ей лет семьдесят или около того. Панкует бабулька? А песня-то, песня! Случайность? (ДВЕРЬ!) Или намек? «Чтоб никто не видел, чем питается зверь...» Ладно, если намек (КРАСНАЯ ДВЕРЬ!) — я уже напугался, спасибо. И шея моя сейчас, наверное, выглядит такой беззащитной, такой вкусной...

— Ты чего напрягся-то? Расслабься! Мышцы у тебя и без того деревянные, ну да ничего, поправим... А на «Наутилус» меня сын подсадил еще в конце восьмидесятых. Тебе, наверное, ровесник.

И она пустилась в пространные объяснения, почему концертный альбом «Ни кому ни кабельность» нравится ей больше, чем «Подъем», и почему «Наугад» она считает последней отличной, классической пластинкой, после которой у Бутусова начался период какого-то, прости господи, непотребства. Я не знал, то ли мне ржать, то ли разрыдаться.

Но до конца расслабиться так и не сумел. Ишь ты! «Это мир, в котором ни секунды без драки...» Молодец, бабулька. Соображает.

* * *

После обеда выяснилось, что Ивана Петрова вновь конкретно забрызгали чернилами. На сей раз — на концерте в Самаре. Я даже устыдился того, с каким пренебрежением подумал о бедняге, находясь на массажном столе: раз его... хм... творчество вызывает у людей столь противоречивые эмоции, что его попеременно то забрасывают цветами, то поливают чем-то фиолетовым... ну, значит, это и есть самое настоящее искусство. Или нет?

В номере я крутанул регулятор громкости репродуктора.

— Когерентное излучение лазера, рассеянное случайным ансамблем взвешенных в потоке частиц, сохраняет частичную когерентность и несет информацию об их скорости в виде доплеровского смещения частоты исходного излучения. — Профессор вещал о лазерах. Кажется, вчера одна из слушательниц ждала именно этой темы. Оставалось порадоваться за нее, потому что лично я ничего не понимал. — Выходной сигнал лазерной доплеровской измерительной системы был введен в память ЭВМ «Минск-32».

Я убрал звук. Спать не хотелось. Смотреть телевизор не хотелось. Можно было добрести с ноутбуком до зимнего сада или библиотеки, подключиться к Интернету, узнать последние новости... Впрочем, нет, в зимний сад нельзя, там сейчас лекция. А библиотека, если я правильно понял, работала как-то хитро — каждый день в разные часы, и точного расписания я, разумеется, не помнил. Было бы обидным перейти в главный корпус, чтобы уткнуться в закрытую дверь (КРАСНАЯ ДВЕРЬ!). Чертыхнувшись и помотав головой, я полез в шкаф за лыжным комбинезоном. Свежий воздух — наше все.

В холле первого этажа маялась вчерашняя девчушка. Я притормозил. Жалко ее. Ни подружек, ни развлечений. Кто ж догадался ее сюда упрятать?!

– Простите, юная леди! – вежливо обратился я к ней. – У меня возникла серьезная проблема.

Девчонка вытаращила глаза. Ну, напугалась чуть-чуть заговорившего с нею взрослого дяди в дурацкой куртке с капюшоном, это понятно. А еще ей было ужасно любопытно, что за серьезная проблема такая.

– Я со вчерашнего дня мечтаю слепить снеговика. Но, поскольку в последний раз я занимался этим приблизительно четыреста двадцать восемь с половиной лет назад, мне необходима консультация человека, который умеет делать снеговиков на пятерку.

Девочка прыснула и чуть кокетливо закатила глазки.

– Так долго не живут! – сообщила она мне таким тоном, будто я на ее глазах ошибся в элементарном арифметическом примере. – А там ничего сложного – берешь комок и катаешь.

– И тем не менее. Я боюсь допустить ошибку. Представьте, что я скатаю вместо кома колбасу или перепутаю местами живот и голову – разве это будет честно по отношению к снеговикам?

Несколько секунд она оценивала сказанное, рисуя в воображении снеговика, состоящего из снежных колбас, затем хихикнула. Воодушевленный, я продолжил:

– Так вот, скажите мне, юная леди, разрешается ли вам гулять? Могу ли я попросить ваших... тех, с кем вы приехали, отпустить вас со мной для консультации и помощи?

Она задумалась.

– Бабушка сейчас на лекции... – Вытянулась на цыпочки, выглянула через стеклянную дверь на улицу. – Снег, кстати, не липкий, но это ничего. В середине лекции бабушка заснет прямо в кресле и проспит почти до ужина. Щас оденусь!

– А бабушку предупредить?

– Ой, да как будто она заметит! Я уже взрослая, я сто раз уже гуляла, пока она спит!

И девчонка умчалась.

Я подошел к стойке администратора. Девушка ворковала с охранником, пришлось потревожить.

– Вы не знаете, что с этой девочкой?

– Знаю. А вам зачем? – недобро прищурилась администраторша.

Ну да, конечно же, я – тот самый педофил, растлевающий первоклашек, находящихся на лечении. Ох, грехи мои тяжкие...

– Скучно ей. Я предложил слепить снеговика, она согласилась. Но я немножко засомневался – полезна ли ей будет такая нагрузка?

– Да прогулка-то ей не помешает... – раздумчиво проговорила девушка за стойкой. – Да и снеговик – тоже мне, нагрузка! Я вообще ее бабку не понимаю: совсем ребенком не занимается!

– Так что с девочкой? – терпеливо напомнил я.

– Наследственная болезнь. И бабка, и мать, и малышка – все одним и тем же страдают. Ничего особо опасного, но...

– А почему она здесь, а не в детском лечебном заведении?

– Какая разница? – Администратор пожала плечами. – Сейчас таких строгостей нет, не то что раньше. Болезнь у них одна, лекарства примерно одинаковые, режим, процедуры... Главврач разрешил, а дальше уж не мое дело.

– Хм... Ну, в общем, я так понял, гулять ей можно. Сильно напрягаться я ей все равно не позволю, так что... А, да! Если вдруг бабушка хватится – мы здесь, перед корпусом, на той стороне дороги. Там снег почище. Да вы нас будете видеть через двери!

На этих моих словах последние подозрения исчезли, оба – и администратор, и охранник – улыбнулись благожелательно. Я отошел в сторонку. Зацепился взглядом за пожарный щит (КРАСНАЯ ДВЕРЬ!), попятился и в конце концов, глупо оглядываясь, переместился в противоположный конец холла. Ну его на фиг.

А тут и Светлана прибежала.

* * *

Собственно, о том, что ее звать Светланкой, я узнал позднее. А поначалу мы общались официально, на «вы», и иначе как «юная леди» я ее не называл.

Она казалась самым обыкновенным ребенком – бойким, веселым, подвижным. Неприятно было думать, что где-то внутри, в ее крохотном сердечке, кроется какой-то изъян. Но я как раз старался не думать об этом, и в итоге мы получили массу удовольствия. Примерно на этапе формирования головы первого снеговика из корпуса вышел мой вчерашний собеседник, седоусый дедок. Светланке чрезвычайно понравилось, что я тайком, шепотом признался ей в том, как называю его – «дедок ООО». Наверное, это явилось каким-то решающим фактором, потому что высшей Светланкиной милостью дедку было дозволено присоединиться к нам. Время от времени она поглядывала на меня и, улыбаясь во весь рот, неумело подмигивала в его сторону: у нас с ней была целая настоящая тайна, мы знали о Семене Борисовиче то, чего не знал никто, да и сам он даже не догадывался. В любой момент мы могли бы произнести этот секретный шифр – «дедок ООО», – а никто бы даже не понял, кого мы имеем в виду.

Забавно. Я и не знал, что гулять с детьми – такой кайф.

Ближе к ужину, когда мы совместными усилиями собрали весь снег в окрестностях, а снеговиков у нас вышел если и не парад, то (учитывая кошмарно нестройные ряды) настоящий хоровод с кадрилию, мы кровожадно наметили план на завтрашний день: во-он та полянка с беседкой зря так настырно лезла нам на глаза! Ничего-ничего, доберемся!

Я намеревался довести девочку до номера, сдать с рук на руки бабушке, а заодно посмотреть ей в глаза (что за фигня-то, в самом деле? неужели нельзя родной внучке время уделить? неужели лекции важнее?), но тут выяснилось, что Светлана с Семеном Борисовичем – соседи. Оказалось, в том ответвлении коридорчика, куда малышка убегала, чтобы переодеться для прогулки, и номеров-то всего два – «дедка ООО» и их с бабушкой.

* * *

Дни шли за днями, я успел забыть о происшествиях в первые сутки-двое. С бабулькой-меломанкой мы каждый сеанс массажа сопровождали избранными песнями «НауПо»:

Был бы белым, но все же был бы чистым,
Пусть холодным, но все же с ясным взором,
Но кто-то решил, что война, и покрыл меня черным...

В столовой за мой столик подсадили двоих новоприбывших – сантехника с внешностью генерального директора и, собственно, генерального директора с манерами сантехника. Пришлось идти и уговаривать, чтобы администратор поменял нас местами, и в результате мы – Светлана, я и Семен Борисыч – оказались за одним столом. Светина бабушка, невероятно, неправдоподобно полная одышливая леди, поначалу никак не желавшая расставаться с внучкой на время трапезы, поддалась на уговоры и теперь косилась на нас недобрым взором. И хотя стульев за нашим столиком было четыре, предпочла остаться на прежнем

месте, тем более что общество сантехника с внешностью генерального директора ее вполне устроило.

Гранин по-прежнему читал лекции – не каждый день, но часто. Даже не вслушиваясь особо, я тем не менее уже знал наизусть кое-какие отрывки: «Вмешиваясь в процесс посредством ввода в исследуемый материал посторонних дестабилизирующих факторов, вы рискуете на выходе получить...»

Иван Петров уже дважды объявлял об окончании гастролей. Или творческой карьеры. Или чего-то еще – видимо, я просто не разобрался, потому как ни карьера, ни гастроли все никак не заканчивались. Чуть ли не перед каждым концертом служба безопасности очередного зала торжественно клялась не допустить чернильных атак на кумира, и всякий раз буквально из ниоткуда возникали радикально настроенные молодые люди, у которых было все в порядке с точностью и дальностью бросков наполненных штемпельной или какой-то другой жидкой краской воздушных шариков.

Мне... наверное, было хорошо. И дело даже не в медикаментах, не в процедурах – они поддерживали, укрепляли и стабилизировали мое физическое состояние. Мне было хорошо морально. Спокойно. Благостно. Я не помнил, когда в последний раз так расслаблялся и радовался жизни. Не в Дозоре. Точно нет. И не в прежней жизни, практически доведшей меня до инфаркта.

Единственное, что по-прежнему терзало, удручало и портило мой душевный Эдем, – регулярные визиты «скорых». Иногда было слышно, как посреди ночи реанимобиль, надрываясь сиреной, улепетывает в сторону города – и это значило, что, возможно, кого-то «из наших» удастся довести, спасти... Иногда карета неотложной помощи уезжала молчком, без проблесковых маячков, и ей долго смотрели вслед все, кто в тот момент находился во внутреннем дворе. Я прекрасно понимал, о чем они думают, что им в этот момент мерещится. Да, в этом я от них ни капельки не отличался.

Снеговики нам надоели. Теперь мы втроем придумывали другие забавы, но, что бы ни затеяли, постоянно осуществляли это вместе. Светланка, едва стоявшая на лыжах в момент нашего знакомства, уже через полторы недели вполне могла бы обогнать меня, вот только мы сразу договорились, что наперегонки – это не про нас. Про нас – легкая физическая нагрузка, свежий сосновый воздух, нехитрое удовольствие от скольжения по лыжне.

«Дедок ООО» лишь единожды не смог составить нам компанию. Триста раз извинившись, он объяснил, что в тот день Гранин будет читать лекцию для его родного города, для его родного института. Правда, сам Семен Борисович к физике и приборам диагностики никакого отношения не имел, поскольку оканчивал совсем другой факультет, но... ностальгия, что ж поделаешь? Хотя бы мысленно переместиться в родные края, где не был давным-давно, хотя бы мысленно поприсутствовать среди студентов, многие из которых, возможно, являются детьми, а то и внуками его бывших сокурсников. Мы со Светланкой, конечно же, разрешили ему нас оставить.

А потом Семену Борисовичу стало хуже.

Мы со Светой – то вместе, то порознь – регулярно навещали его. Он бодрился, все старался сесть на пропахшей лекарствами постели, но мы укладывали его обратно и рассказывали, как прошел очередной день. А он нам рассказывал о родном Новосибирске – видимо, та лекция что-то серьезно задела, что-то всколыхнула. А затем Светланка ляпнула, что на днях в Новосибирске студенты Академии водного транспорта были арестованы за попытку убийства нашей супер-пупер-звезды мирового шансона. Семен Борисович откровенно загрустил, потому что выпускником именно этого вуза он когда-то являлся. Он загрустил, Светланка смутилась, что заставила его переживать, а у меня впервые за все это время мелькнула догадка. Все было так явно, настолько на ладони, перед глазами, что я даже опешил и не поверил собственным выводам. Необходимо было все-все проверить.

* * *

В этот день уже мне пришлось тысячу раз извиняться перед маленькой девочкой. Она дулась, твердила, что мы все ее бросаем, но другого времени я выкроить не смог бы. Дурацкое библиотечное расписание! В результате Света осталась с бабушкой, а я с ноутом под мышкой направился в большой зал, где был скоростной доступ в Сеть.

Библиотекаршей оказалась та самая старушка, что шустро мельтешила вязальными спицами и заслушивалась историями про лазеры. Это могло оказаться весьма кстати.

Я не знал, куда мне в первую очередь сунуться в Интернете, и потому начал с самого простого: посмотрел график гастролей Ивана Петрова. Аккуратно переписал на лист обычной бумаги маршрут его следования за прошедший месяц.

Затем открыл новостную ленту и отсортировал интересующую информацию. Вычеркнул из своего списка города, в которых на Петрова не нападали во время концертов. Осталось не так уж много – семь-восемь населенных пунктов.

Затем полез на сайты администраций Новосибирска и Академгородка. Завис на персональном блоге в «Живом журнале», автор которого подробно рассказывал о жизни в тех краях в 60–70#х годах прошлого века. Я находил данные, фотографии, биографии – и очень сильно удивлялся тому, сколько совпадений можно накопать, если знать, в каком направлении рыть. Раньше направление мне задавало руководство, и способы получения информации были совершенно другими, но... Но оказывается, и так можно было если и не выяснить истину, то хотя бы локализовать ее местонахождение. С выводами я по-прежнему не торопился.

Захлопнув крышку ноута, я подошел к столу библиотекарши.

– Скажите, пожалуйста, вы ведь все лекции профессора Гранина посещаете?

Она посмотрела на меня по-над очками.

– Разумеется, молодой человек! – произнесла она тоном учительницы, недовольной пятиклассником.

Я не стал разубеждать ее и пытаться доказать, что мой реальный возраст ненамного отличается от ее собственного – ну, сколько там лет разницы? Восемь? Десять? Меня интересовало другое. Про Самару и Новосибирск я уже и так знал, но это могло быть реально совпадением. А вот если...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.